

Балицкая Татьяна

Бабья доля (сборник рассказов)

Люська

Гиви с наслаждением потирал руки... Такая красивая девушка – эта Люська – и вся его. Он уже вдоволь наигрался, теперь собирался выгодно продать ее. Искать Люську никто не станет. Родителей у нее нет, только старенькая бабушка, да маленькие братишка с сестренкой.

Гиви с бригадой грузин-подрядчиков приехал в совхоз У. Краснодарского края. Здесь он познакомился с Люской, красивой шестнадцатилетней девчонкой. Он наобещал глупой девочке всего: жениться на ней, увезти домой, в Грузию. В общем, обещал ей хорошую, обеспеченную жизнь, но выполнять свои обещания он, конечно же, не собирался.

Люська была на вершине блаженства. Вчера Гиви обещал, что женится на ней в Грузии. Там вроде бы их регистрируют, как мужа и жену без проволочек, а в России это возможно лишь с восемнадцати лет.

Люська выросла в бедной семье. Ее отец сильно пил, мать надрывалась на работе в полеводческой бригаде, и практически в одиночку растила детей. Когда Люське исполнилось тринадцать лет, ее мать умерла, совсем недавно сгорел от водки ее отец. Старенькая и больная Люскина бабушка по матери переехала к ним жить. Но чем могла помочь больная старушка трем сиротам? Они владели нищенским существованием.

Хорошо, что Люська встретила Гиви. Пусть он старше ее на четырнадцать лет, но он нравится Люське, она так надеется на него. Они встречались уже четыре месяца. Люська почти сразу отдалась ему, и не жалела об этом. Наступил день отъезда. Люська собрала чемоданишко, попрощалась с бабулей, братом и сестрой и помчалась к любимому.

Почему-то они с Гиви сели на поезд, идущий в Москву. Люська доверяла любимому и не знала, что ехать из Краснодара в Грузию через Москву – все

равно, что плыть в Америку по Черному морю.

В Москве на вокзале их встретил какой-то неприятный, длинноносый тип. Гиви представил его Люське: «Это мой друг, Борис. Он грек по национальности».

Мужчины взяли такси. Ехали долго. Потом все вышли. Борис расплатился за такси, и они пошли пешком. Это была или окраина Москвы, или какая-то подмосковная деревушка.

И за все это время Люське даже в ум не влетело испугаться или растеряться. Ведь рядом с ней Гиви – ее любовь и надежда. Втроем они подошли к какой-то завалюхе, вошли в нее.

И тут такое началось! Гиви строго сказал Люське, что он передает ее Борису. Теперь Борис – ее хозяин. Если Люська будет плохо себя вести, то Борис будет бить ее, а может даже убить.

Люську это известие вконец пришибло. Она лишь молча моргала глазами. Гиви сильно встряхнул ее за плечи и вышел.

Люська рванулась следом, но грек Борис схватил ее за руку и швырнул на кровать. Что он с ней только не вытворял! Особенно ему нравилось насиловать ее «по-гречески». Люська орала благим матом, а грек наслаждался ее криками. Казалось, этому ужасу не будет конца. Наконец, уморившись, грек Борис оставил Люську в покое.

Откуда-то из-за угла Борис выволок наручники. Он застегнул один наручник у Люськи на запястье, а другой пристегнул к быльцу кровати. Кровать была привинчена к полу. Уходя, Борис приказал Люське на завтра быть готовой к приему гостей. Он бросил ей кусок хлеба, как собаке, а о воде и вовсе позабыл.

Люська всю ночь металась возле кровати. Она кричала, звала на помощь, пыталась расстегнуть наручники, но не смогла. На помощь никто не пришел.

Утром грек Борис привел с собой двух страхолюдных мужиков. Они набросились на нее вдвоем как дикари, они кусали, мяли, насиловали ее, не обращая внимания на ее вопли.

После их ухода Борис снял ремень и начал бить Люську. Он нещадно порол ее, пинал ногами и орал, что Люська должна быть послушной, то есть, делать всё, что хотят клиенты. Так она сможет дольше прожить. А выход отсюда один – в могилу. Не она здесь первая, и не она последняя.

Люська была в ужасе. Лихорадочно она пыталась сообразить – как вырваться отсюда.

Она стала настоящей проституткой. Всем клиентам она стремилась угодить, как бы ей ни было больно и противно. Грек Борис даже начал думать, что Люська – прирожденная проститутка и что ей все это нравится. Однажды, сильно напившись, Борис закрыл Люську снаружи на замок, но забыл пристегнуть наружниками.

Как только он ушел, Люська заметалась по комнате. Выждав немного, она

выбила окно и убежала. Долго бежала куда попало, куда ноги несли, только бы подальше от ненавистного дома. Люська вышла на какую-то трассу, остановила первый попавшийся большегруз и спросила водителя, куда он едет. Тот ответил, что везет груз в Ростов.

«Мне бы в Краснодар!» - выдохнула Люська.

«Там недалече.» - ответил водитель.

По дороге Люська, дрожа и заикаясь, рассказала шоферу, что с ней произошло. Ей надо было кому-то выплеснуть свою боль, иначе она бы умерла. Водитель, немолодой мужчина, возмущался на чем свет стоит. Он дал Люське немного денег, чтобы она купила себе приличное платье. Люська предложила ему себя в качестве расплаты, но шофер скромно отказался, пожелав ей на прощанье всего доброго.

Из Ростова до своего совхоза Люська доехала, расплатившись собой, потому что водитель попался бабник на все сто процентов. Люськина бабуля заохала, увидев в дверях свою внучку, без чемодана, исхудавшую и бледную как смерть. Люська ничего не стала рассказывать, сказала только, что они с Гиви поругались и решили расстаться. Потом спросила у сестры, здесь ли еще грузины. Сестра Ленка ответила, что грузины уже давно уехали.

Неделю Люська никуда не выходила из дому, зализывала раны: и телесные, и душевные. Как-то, выйдя на улицу, она встретила Зойку, с которой всегда была в хороших отношениях. Зойка была двумя годами старше Люськи. О Зойке чего только не говорили в совхозе. Но Зойка уверяла, что всё - глупые сплетни.

Зойка с Люськой начали вдвоем ходить в кино, на танцы, иногда они просто гуляли по совхозу вместе с молодыми людьми. Они крепко сдружились. Зойка научила Люську курить, познакомила с заезжей блатной компанией. Они вместе пили, курили, гуляли с кем попало.

В совхозе их прозвали «Моська» и «Зоська». Люську почему-то прозвали Моськой. Люська скатилась ниже некуда. Однажды, напившись вдрызг, она рассказала Зойке о грузине Гиви, о греке Борисе и обо всех ужасах, связанных с этими людьми.

Зойка ахала, материлась, как сапожник, а потом предложила Люське подать в суд на Гиви и грека Бориса. Люська отказалась, потому что доказательств у нее не было, она даже не знала, где все это случилось, в Москве или где-то в другом месте. А теперь еще сплетни о них с Зойкой такие, что ей никто и не поверит. В общем, Люська решила, что будет считать все свои ужасы дурным сном.

Зойка решила провести лето у старшей сестры. Люське очень не хотелось расставаться с подружкой, но Зойкины родители выпроводили Зойку чуть ли не силой. Им надоела беспутная, ленивая дочь, и они были рады избавиться от нее хотя бы на время. Люська тосковала по подружке. Она устроилась на работу, уборщицей в клуб, заботилась о бабушке и младших брате и сестре. Она почти

никуда не ходила, только на работу и с работы. Но в совхозе на нее так же косились и при любом удобном случае поливали грязью.

В конце лета в совхоз приехали солдаты-дембеля. Последний приказ – уборка урожая, и - прощай армия!

Люська познакомилась с одним из солдат, Данилой, Данькой. Впервые за долгое время Люська вела себя более, чем скромно. Люська перестала водиться с плохой компанией, с трудом бросила курить. Ей самой казалось, что все у нее впервые: первое свидание, первый поцелуй.

Ей очень нравился простой, симпатичный парнишка, с ним она была безумно счастлива. Она переспала с ним только через три недели, в это время у нее заканчивались месячные.

Простодушный, несведущий в женщинах Данька думал, что он у нее первый, а до него она была честной девушкой. Данька написал письмо домой, что приедет с будущей женой. Его мать ответила, что жениться в армии не стоит, а на его век «люсек» хватит. Данька не послушался материнского совета, он твердо решил жениться на Люське.

Как ни странно, но Даньке никто ничего не рассказал о Люське. Он считал ее наивной, милой девчонкой. Когда закончилась уборка, Данька с Люськой уехали из совхоза вместе.

В Данькиной семье Люську встретили настороженно. Но прошло совсем немного времени, и Данькиным родителям начала нравиться ласковая, красивая невестка. Она старалась выполнить любое Данькино желание, была чистоплотна и мила.

А вскоре Люська забеременела, и ровно в срок родила крупного здорового мальчишку. Данька хотел первого сына, Люська выполнила его заказ. Данька свою красивую жену на руках носил, а она пылинки с него сдувала. Данькина бабушка отдала молодым свою двухкомнатную квартиру в городе Ростове-на-Дону, а сама переехала к сыну, Данькиному отцу. Данька с Люськой отремонтировали квартиру. Родители дали денег на мебель. Все необходимое было куплено. Данька с Люськой переехали на новое место жительства.

Данька решил, что Люська работать не будет, ей надо растить малыша крепким и здоровым мальчишкой, а все заботы по материальному благополучию семьи он возьмет на свои плечи.

Люська была чудесной хозяйкой, везде чистота, малыш ухожен, в доме всегда пахнет чем-то вкусным. Она никогда не перечила мужу, всегда встречала и провожала его улыбкой и поцелуем. Соседи и знакомые считали их брак идеальным.

Данька работал таксистом, денег на жизнь вполне хватало. Сына Даниил назвал Санькой. Саньке было около четырех лет, когда Люська снова забеременела. На этот раз она родила чудесную темноволосую девчушку. И тут угодила мужу, так как на этот раз он очень хотел дочь.

Подрастали дети. Люська давно забыла свое кошмарное прошлое, муж и дети занимали все её время и были для нее всем на свете.

Когда умерла Люськина бабушка, то она не смогла поехать на похороны, так как у нее в это время сильно болела маленькая дочурка, Ниночка. Люська редко писала сестре Ленке, та ей так же редко отвечала. Все письма сестры были односложны: жива, здорова, все нормально. Люська перед отъездом из дому просила Ленку не писать ни о чем таком, что могло бы не понравиться Даньке.

Однажды весной Ленка написала Люське, что она наконец-то выходит замуж и просила приехать на свадьбу. Люська испугалась. Десять лет она не была дома, хотя жила, по существу, рядом. Кто знает, чем может закончиться эта поездка? Червь сомнения точил и точил Люську. Но письмо попало на глаза мужу, и он решил, что на свадьбу они все поедут.

Ленка встретила семью сестры на автостанции, перецеловала всех и повела домой. Люська шла вслед за сестрой, и глаза ее были мокры от слез. Как давно она здесь не была! А ведь здесь она родилась и выросла. Это всё – проклятое прошлое, из-за него Люська боялась навещать сестру и могилы родных ей людей. Ленка тоже ни разу не приехала к ней в гости. Люська всегда боялась, вдруг муж что-то узнает о ее прошлом. До сих пор Бог ее миловал.

Свадьба состоялась на следующий день. По Данькиным меркам, она была очень бедной. Они с Люськой привезли на свадьбу богатые подарки, дали денег Ленке и брату Лешке.

На свадьбе все напились вдрызг, кроме Даньки и Люськи. Данька вообще мало пил, а Люська боялась пить много. Даньке эта свадьба показалась какой-то нелепой комедией.

На следующий день Данька с Люськой пошли на кладбище навестить могилы Люськиных родных. Люська на кладбище не плакала, она почти никогда не плакала, только сжималась, как пружина, и затравлено глядела на окружающих ее людей.

Они решили, что завтра уедут домой. Люська облегченно вздохнула. Наконец-то, закончатся все её страхи и сомнения, и жизнь пойдет по накатанному руслу.

Зойке в тот день было очень плохо. Замуж она так и не вышла, таскалась потихоньку с парнями, и чем старше она становилась, тем моложе были ухажеры. В совхозе смеялись, что Зойка преподает технику секса для молодых. Вчера Зойку бросил очередной молокосос. На прощание он хорошенько напоил её и теперь её голова раскалывалась от боли.

С улицы Зойку позвала соседка. Зойка кое-как выползла за калитку. И тут соседка начала рассказывать Зойке, какой красавицей стала её бывшая подруга, какой красивый и хороший у неё муж. «Богато живут!»- вздыхала соседка. Зойку всё больше разбирала злость. Надо же, вместе таскались с кем ни

попадая, и вот она, Зойка, все такая же, а «Моська» - Люська честной прикинулась, мужа себе отхватила, детишек нарожала.

Нет! Она, Зойка, не позволит такой несправедливости, она все расскажет Люськиному мужу-рогоносцу.

Данька стоял у калитки и курил. Он думал о том, как бедно жила Люськина семья. И совхоз не очень хороший, кругом грязь, свалки, ни дорог, ни хороших домов – ничего нет. Квартиры старые, маленькие, без газа, без удобств. Вдруг к калитке подошла женщина и спросила его: «Это вы муж Люськи?» Он удивлённо ответил: «Да, а что?» Женщина сказала: «Меня зовут Зоя. Я была подругой вашей жены. Идите сюда, я вам кое - что расскажу о вашей жене!»

Люська убрала со стола, подмела пол на кухне и вышла на улицу. Она видела, что муж курил у калитки. Теперь его там не было. Она искала его везде, звала, но его нигде не было. «Может, просто прогуляться пошёл» - успокаивала себя Люська, но на душу камнем легла тяжесть. Она уложила детей спать, а сама села на стул возле стола, положила голову на руки и замерла.

Данька вошел в комнату. Тяжело ступая, он подошел к Люське и с ненавистью произнес: «Ну здравствуй, Моська - совхозная проститутка! Здорово же ты меня надула! Скажи...это всё...правда?»

Люська сползла со стула, встала на колени и умоляюще сказала: «Дань, прости меня, прошу тебя. Да, у меня кошмарное прошлое. Но за десять лет, что я с тобой, я не посмотрела ни на одного мужчину. Для меня существуешь только ты. Если б я могла что-нибудь изменить...но это невозможно. Дань, прости. Если хочешь, выбей мне глаз, только не бросай меня!»

Данька взял пиджак, деньги и вышел в ночь. Люська шла за ним и умоляла его вернуться, но он был неумолим. Люська вернулась домой, опустила голову на руки и замерла.

Утром пришли Ленка с мужем. Ленка спросила, а где же Данька? Люська сказала, что муж вспомнил, что у него есть срочное дело и рано утром уехал. Позже Люська собралась, собрала детей, попрощалась с родными и выехала домой. Дома ее ждала Данькина записка.

«Квартиру оставляю детям. Им буду помогать, а ты иди работай и содержи себя сама. Но не дай Бог, ты опять станешь Моськой, тогда не обижайся!» И тут Люська впервые заплакала навзрыд. Вот и все. Она была так счастлива все эти десять лет с Данькой, хотя всегда боялась, что счастье может изменить ей. Он и дети были центром её жизни, а что будет теперь, Люська не представляла.

Дети никогда не видели мать плачущей, поэтому они тоже расплакались. Люська плача, уложила детей в постели, а сама сидела, думая свои невеселые думы и плакала, плакала.

Утром она пошла искать работу, а детей оставила у соседки. Через неделю

Люська устроилась на «Ростсельмаш» разнорабочей. На работе она очень внимательно выполняла всё, что от неё требовали, и в скором времени её перевели ученицей прессовщицы. Потом она стала самостоятельно работать на большом прессе. Зарабатывала она хорошо, но очень уставала на работе. Ниночке дали место в садике, сын ходил в школу.

Вечерами Люська тосковала по мужу. Даниил жил у родителей. Он привозил детям деньги и сладости, но с ней он не разговаривал, он вообще не замечал её.

Ночами Люська плохо спала, её мучили кошмары. Во снах страшные мужланы терзали её тело и плевали в душу. Проснувшись, она мысленно клялась мужу, что больше никогда не станет «Мосской». У неё растёт дочь, нежная и красивая Ниночка, и Люська никогда не допустит, чтобы девочка повторила её путь.

Успокоившись, Люська мечтала, что когда-нибудь Данька простит её и вернётся. А если нет, то оставшуюся жизнь она проживёт одна. Она будет жить и работать для детей.

Гулящая

СЕМЬЯ

В Иркиной семье все женщины были гулящие. Её бабушка, Наташа, гуляла со всеми парнями и мужиками без разбора. Потом одноногий инвалид пошел в приемы к безотказной Наташе. Он пил и колотил Наташку, как мог. Зачастую она успевала убежать, пока он, матерясь, спешил за ней, чтобы побить её. Но иногда ей крепко доставалось костылем по спине. Она никогда никому не жаловалась, всё сносила молча. Она родила своему приймаку дочь, Любку.

Приймак Жора крыл матом свою сожительницу и её выродка. Выродком он называл собственную дочь, Любку. Если он мог дотянуться до них костылем, то пинал их со всей силы. Они летели на землю, а он пьяно и довольно хохотал. Он почти всегда был пьян. Наташа тоже частенько прикладывалась к бутылке. Любка росла в пьяном угаре. Жили они в старой, полуразвалившейся хатёнке. Все удобства у них были на улице: водоразборная колонка на углу улицы, туалет, деревянный, опасно покосившийся, дрова для топки печки.

Любке было тринадцать лет, когда её впервые изнасиловали двое больших мальчишек. Она никому об этом не сказала, но случилось самое худшее: она забеременела. Узнав об этом, приймак Жора, он же, по-совместительству папа, избил Любку до потери сознания. Её мать даже не заступилась за дочь. Любку увезли в больницу и сделали ей там аборт. После этого ею пользовался кто

хотел и когда хотел. Надо было только дать ей хоть немного выпить.

Как-то мужики поймали Любку, завязали ей юбку на голове и привязали её к фонарному столбу. Любка простояла так почти до рассвета. Её развязали шедшие на работу доярки. После этого случая никто поблизости не считал Любку человеком, ей плевали вслед, осуждали, кто как мог.

У одного из станичных начальников был сын с синдромом Дауна. Пока была жива жена начальника, все было хорошо: она любила сына и ухаживала за ним, как могла. Но как только она умерла, папаша сразу решил пристроить куда-нибудь мешающего ему сына, чтобы самому о нём не заботиться. Он купил маленький домик на краю станицы и поселил в нём сына. Потом начал искать женщину, которая бы за ним ухаживала. И нашёл. Любку.

Любка переехала в новый дом, а следом за ней переехала её "слава" гулящей. Дауна и Любку зарегистрировали, как мужа и жену. Звали муженька Колей. Папаша-начальник иногда подкидывал денег Колюне и Любке. Любка думала, что она не так уж плохо устроилась.

Вскоре Любка забеременела, но неизвестно от кого, то ли от мужа, то ли ещё от кого. Ею также пользовались все, кому не лень. Любка никому не отказывала и никому не жаловалась. Её мужу никто ничего не говорил, да если бы и сказали, то он бы всё равно ничего не понял. Любка родила девочку и назвала её Ирккой.

У них в роду все были смуглые, темноволосые, ширококостные и некрасивые. Ирка родилась беленькой, светловолосой. Уже с детства было видно, что она будет красавицей.

Папа-даун с удовольствием играл с дочкой. Они играли, как одноклассники. Любка думала, что теперь у неё двое детей. Вся работа по дому была на Любке, муж только играл с Ирккой, это всё, на что он был способен.

ЗОЛУШКА

Ирка росла и удивлялась, почему она не такая, как все. Соседки не разрешали своим детям играть с ней. Ирка спрашивала у мамы, почему никто не хочет с ней играть? Любка отвечала, что, видно, судьба у них у всех такая - быть отверженными.

Когда Ирка пошла в школу, то испытала настоящий шок. Никто из детей не хотел сидеть с ней за одной партой. Учительница посадила Ирку за последнюю парту одну. Мальчишки и девчонки дразнили её на переменках «помойкой» и шарахались от неё, как от прокажённой. Ирка стала какой-то заторможенной. Она жила как в страшном сне. Любка жалела дочку, но она ничем не могла помочь ей. Училась Ирка плохо, хотя была довольно умной девочкой.

В тринадцать лет Ирка стала настоящей красавицей. На неё заглядывались

мальчишки, но никто не заигрывал с ней, боясь сплетен. Девчонки завидовали Иркиной красоте, но отворачивались от неё с презрением.

Двое мальчишек постарше решили сделать "это" с Ирккой. Они написали ей записку с приглашением на свиданье в лесополосу. Это было послание будто бы от мальчика, который без ума влюблён в Иркку. Ирка обрадовалась. Хотя один друг появится у неё.

Мальчишки встретили её в посадке. Они схватили её и начали срывать с неё одежду. Ирка кричала, дралась, как бешеная, но они связали ей руки и все-таки изнасиловали её. Они очень удивились, что она была ещё девушкой. Но это не остановило их. Ирка лежала на земле и горько плакала.

Она мечтала, что выйдет замуж девушкой и докажет всем сплетникам, что и в их роду не все гулящие. Теперь конец всем мечтам и надеждам. Ирка пошла домой и рассказала обо всём своей матери. Мать даже не удивилась.

Любка вздыхала: "Ну, что ж, дочка, такая у нас, у всех, судьба." Ирка заорала: «Какая судьба?... Что теперь, меня пусть таскает кто хочет, а я должна молчать? Нет, я пойду в милицию!"

Иркина мать испуганно сказала: "Не надо, дочка, не ходи. Они тебе ничем не помогут, только ненависти к нам больше будет.»

В школе об этом случае никто не узнал. Мальчишки побоялись трепаться, а Ирка тем более не хотела, чтобы об этом узнали. Ирка стала бояться тёмных мест, по вечерам она никуда не выходила.

Однажды Ирка пошла в магазин за хлебом. Выйдя из магазина, она увидела лысого "крутого" парня. Он сразу обратил на неё внимание, подошёл и сказал: "Я-Янек, а ты кто такая?" Ирка оглянулась, никого вокруг не было, и она со злостью ответила: "А я – Ирка - общая дырка!"

Парень расхохотался: «Я вижу, ты девка не промах! Если со мной подружишься, то перестанешь быть "общей дыркой". Я смогу защитить тебя от всех. Я такой! Я только что "откинулся."

Так началась их дружба. Янек использовал Ирку, как хотел, но он был у неё один, а другие боялись и смотреть на неё. Тех двоих парней, что изнасиловали её в первый раз, Янек изловил поодиночке и так им накомистылял, что они надолго позабыли о подобных действиях. Ирка чувствовала себя королевой. Янек придел её, и она теперь лучилась от счастья.

Янек был неоднократно судим, он был старше Ирки на восемь лет, а прошел уже огни и воды. Он начал свои «отсидки» с малолетки, с колонии. В первый раз он попал в колонию в тринадцать лет, а потом всё пошло, как по маслу. Ему было двадцать два года, а тюрьма уже была для него родным домом. Соседи шарахались от него, как от чумы. Увидев вдвоем его и Ирку, соседи шипели вслед: "Ну и парочка! Баран да ярочка! Он - тюремщик, она — проститутка!" Ирка плевать хотела на все сплетни.

Теперь знакомые парни, те, что ей проходу не давали, только и мечтали затащить её куда -нибудь, даже глядеть на неё боялись. Янек водил Ирку по кабакам, поил её на краденые деньги, и оба они были довольны жизнью. Иркины папаша, Колюня, и мамаша, Любка, души не чаяли в Янеке. Он был с ними добрым, приносил им выпивку и деньги, помогал напилить и наколоть дров. Они чуть ли не молились на него.

Как-то Иркин папаша-даун напился, упал во дворе и захлебнулся рвотой. Такая нелепая смерть ему выпала. Мамаша, Любка, горько плакала на похоронах своего мужа. Она привыкла к нему, как к своему ребёнку. Любка почти одинаково любила своих мужа и дочь.

Любка постарела, стала неряшливой, на неё неприятно стало смотреть. Теперь мужики не глядели в её сторону. Домик остался по наследству Любке и Ирке.

Вскоре Янека опять посадили. Уходя на отсидку, он сказал соседям, что если кто-нибудь из них хоть чем-нибудь обидит Ирку, тот будет иметь дело с ним.

Ирка кое-как закончила восемь классов. Перед ней встала проблема: куда идти работать? Об учебе дальше даже речи не было. Её мать, Любка, работала в полеводческой бригаде и ещё подрабатывала у соседей: то огород кому прополет, то сарай почистит. Без денег Янека им приходилось туго. Ирка стала работать вместе с матерью.

Как-то в станице появился престарелый "зк". Почти всю жизнь он провел в тюрьме. Теперь ему надо было где-то «перекантоваться». Знакомые сказали ему, что он может пожить у Любки.

«Зк» Гриша пошел к Любке в приемы. Любке очень понравился Гриша. В силу своей глупости она считала его настоящим мужчиной. Но Ирка сразу возненавидела Гришу. Она всегда чувствовала на себе его похотливый взгляд и знала, что он не прочь поразвлечься с ней. Ирка избегала его, как могла. Но однажды он всё-таки закрыл её в сарае, избил и изнасиловал. Ирка рассказала об этом матери. Вдвоем они связали пьяного Гришу и избили его. Но на этом всё и закончилось, Любка не смогла выгнать Гришу из дому.

Янек часто писал письма из тюрьмы. Ирка регулярно отвечала ему на них. Ирка написала Янеку, что у них поселился приймак Гриша и что он изнасиловал её. Янек чуть не умер от злости.

Он бежал из тюрьмы, пришёл домой к Любке и Ирке, выволок пьяного приймака и до тех пор бил Гришу, пока тот не перестал шевелиться. Потом Янек, Ирка и её мамаша втроем напились и начали горланить песни. Утром Янека "повязали". Ирка с мамашей были свидетелями. Янек "загребел" на пятнадцать лет.

Ирка осталась одна. Старая развернулась для неё жизнь. Мужики, как

кобели, так и пасли Ирку. Те двое, что впервые изнасиловали её, опять изловили её и насиловали с особой жестокостью и изощренностью. Ирка решила утопиться. Для смелости она взяла с собой бутылку самогона.

На берегу Протоки сидел мужчина с тремя девочками. Ирка для храбрости без закуски выпила два стакана самогонки и прыгнула с высокого берега Протоки. Но Ирка не рассчитала того, что она слишком хорошо держалась на воде и хорошо плавала. Вода вытолкнула её на поверхность. Она опять нырнула, и снова вода вытолкнула её.

Вынырнув, она увидела недалеко от себя мужчину, которого заметила на берегу вместе с девочками. Ирка поплыла прочь от него, он-за ней. Ирка крикнула: "Не плыви за мной, козёл драный! Убирайся вон!" Мужчина спокойно проговорил: "Я не хочу, чтобы ты утонула, и больше ничего." Ирка еще громче заорала: "Пошёл вон! Я не хочу жить!"

Он подплыл совсем близко и начал теснить её к берегу. Она попыталась бороться с ним, била и царапала его. Тогда он ударил её по голове. Она "отключилась". Очнулась Ирка уже на берегу. Мужчина сидел спиной к ней, а девочки с любопытством разглядывали её. Ирка спросила: "Зачем ты меня спас? Я не хочу так больше жить. Ты хоть знаешь, кого ты спас?" Он спокойно ответил: "Ты человек, а это главное." Она съязвила: "Да меня никто человекам не считает!" Он ответил: "Главное, чтобы ты сама считала себя человеком, а что думают остальные - неважно."

Они сидели и разговаривали. Ирка постепенно успокоилась и спросила, как зовут её спасителя. Он сказал, что зовут его Петром.

Он рассказал ей немного о своей жизни. Жена у него умерла и оставила ему троих дочерей. Так ему что теперь, тоже взять да утопиться. Ирка сказала Петру: "Возьми меня в жены, и я докажу, что могу быть примерной женой. Ну нет, зачем я тебе такая?" Мужчина задумчиво проговорил: "У меня трое детей, а ты еще совсем молодая, зачем тебе такая нахаба? Да и сам я тебе в отцы гожусь.»

Ирка спросила: "А вы не местный? Откуда вы?" Он ответил: "Да тут, неподалёку, из совхоза мы». Ирка умоляюще произнесла: "Если вы на мне женитесь, то никогда не пожалеете. А ваши дочки станут мне подружками, и никогда и ничему плохому я их не научу, лучше я себе язык откушу. А то я всё равно утоплюсь." Мужчина рассмеялся: «Ну, раз такой ультиматум, давай попробуем. Но сначала надо сообщить твоей матери». Ирка улыбнулась: "Не надо. Моя мать и не заметит, что меня нет."

За кустами стоял мотоцикл с коляской. Петро сел за руль, Ирка устроилась на заднем сиденье, а все трое девочек нагромоздились в коляску. Они подъехали к большому и красивому дому. Но везде царили грязь и беспорядок.

Хотя в их собственном доме тоже повсюду была грязь, здесь Ирку вдруг

посетила любовь к чистоте и порядку. Она мыла, скребла, подметала. Девочки, в меру сил, помогали ей. Вскоре все в доме и во дворе заблестело чистотой. Через месяц дом было не узнать. Все выметено, вычищено, покрашено. Петро съездил домой к Ирке. Ее мамаша, Любка, радовалась, что Ирина нашлась и что она теперь пристроена.

Пётр и Ирина зарегистрировали свой брак, но у них не было ни свадьбы, ни вечера. Они просто расписались - и всё. Пётр не спал с Ирккой. Она спала и играла с его детьми, как равная. Старшей дочке Петра, Оле, было тринадцать лет, средней, Варе, десять лет и младшей, Настёне, пять лет. Ирке было восемнадцать лет.

Пётр иногда сидел и думал: то ли он женился, то ли взял себе четвёртого ребенка? Но все в доме было в порядке - это радовало его. Он старался хорошо обеспечивать своих девочек всем необходимым, много работал и еще калымил. Он был хорошим сварщиком, и работы у него было предостаточно. Сплетни об Ирке доползли и до их совхоза, но Петр всё сразу пресёк. Он сказал соседям, что если они уважают его, то должны уважать и его молодую жену. Ирка никогда не встречала такого по-настоящему хорошего человека. Он обеспечивал её, защищал от всех нападков соседей.

Впервые Ирка чувствовала себя полностью защищённой и счастливой. Её удивляло только то, что Пётр не спит с ней. Иногда её разбирали сомнения, что будет дальше, ведь она жена Петру только на бумаге.

Однажды, проснувшись ночью, Пётр увидел, что Ирка сидит на его кровати и плачет. Он ласково спросил: "Ирочка, что случилось? Кто тебя обидел?" Ирка прошептала: "Петь, ведь я тебе не жена, а так, "не пришей кобыле хвост". Ты меня кормишь и поишь зазря, ты даже не спишь со мной". Пётр рассмеялся: "Ирочка, всему свое время. Я не хочу спать с тобой насильно, а ты сейчас к этому не готова. Иди и спи спокойно, моя красавица". Ирка успокоилась.

Она и вправду не хотела спать с Петром, её бы больше устроило, если бы Петро был её отцом. Но Ирка привыкла, что за всё в жизни надо платить. И ей не верилось, что на свете есть люди, которые могут отказаться от платы за своё добро.

Ирка была красивой женщиной. На улице ни один парень или мужчина не пропускали её. Все они долго и настойчиво провожали её взглядами. Но Ирка ни на кого не смотрела. Она старалась угодить Петру и быть старшей подругой его дочерям. Она и сама многому научилась у них.

Ирка стала добрее и ласковее. Блатной жаргон, которым она раньше щеголяла, теперь невыносимо резал ей уши. Она с трудом научилась разговаривать по-человечески, без блатняка.

Ирка удивлялась тому, что Петр допустил её к своим девочкам.

Как ни крути, но она и её семья - отбросы общества. Ирка привыкла к этому с самого детства. Но Петр не побоялся взять её к себе.

Теперь она из кожи лезла, чтобы не разочаровать его. Маленькая Настенька полюбила Ирку, как мать. Ирка отвечала ей тем же. Она купала Настю, стирала её бельё, укладывала её спать. На ночь Ирка обязательно рассказывала Настёне сказку или какую-нибудь хорошую историю из жизни. Девочки приняли Ирку, как свою и полюбили её всей душой.

Однажды Пётр повёз девочек к бабушке, матери его покойной жены. Ирка осталась дома. Когда они уехали, то Ирка почувствовала такую тревогу, что не могла найти себе места. Она вымыла пол на кухне, подмела двор и вышла за калитку.

К их дому подъехала легковая машина. Вылезший оттуда мужчина сообщил Ирке, что Пётр с девочками попал в аварию, его сбила иномарка. Пётр и средняя дочь, Варя, погибли. Ирка чуть не сошла с ума. Один только Пётр из всех людей, окружающих её, отнёсся к ней по-человечески - и тот погиб.

После похорон Петра и Вари теща Петра, баба Лиза, сказала Ирке, что теперь она переедет в дом зятя и будет в нём жить, пока не вырастут девочки, а Ирка должна уйти, откуда пришла. Настёна плакала и цеплялась за Ирку, но баба Лиза была неумолима. Она велела, чтоб завтра Ирки тут не было.

Ирина была молода и неопытна. Она была фактической женой Петра и имела право на какую-то долю наследства. Но она об этом даже не думала. Она со страхом думала, как жить дальше? Ирка вернулась к Любке.

Войдя в хату, она увидела грязную, непричёсанную, пьяную Любку. Мать радостно кинулась обнимать дочку. Она думала, что дочка подкинет ей немного денежонок. Когда Ирка рассказала ей обо всем случившемся, Любка загрустила. Видать, точно... такая уж у них у всех судьба, что им не дано быть счастливыми. Ирка видела вокруг себя похотливые, ждущие взгляды мужчин, и ей захотелось умереть.

Ирка купила бутылку самогона и пошла на то место, где она впервые встретилась с Петром. Она с трудом выпила стакан самогона, а второй пила через силу по два-три глотка, но осилила лишь половину. Хмель ударил ей в голову. Кое-как доползла Ирка до обрыва и мешком свалилась в воду. Но, видно, это место было заколдованным.

За кустами выпивали два бомжа. Один из них стащил кошелек у богатого раззявы и теперь они вдвоем "пировали". Бомжи услышали, что в воду что-то плюхнулось и пошли посмотреть, что же упало. Когда Ирка всплыла над водой, они кинулись спасать её. Вытащив женщину, они принялись пить за её спасение.

Очнувшись, Ирка увидела две склонённые над ней страхолудные рожи.

Она подумала, что она в аду, и черти уже несут её поджаривать.
Она заорала во все горло.
Один бомж сказал: "Во, как орёт! Значит, живая."
Второй бомж тут же "отрубился" и громко захрапел.

Ирка села, огляделась и спросила: "Что со мной было?"
Бомж начал пьяно объяснять ей, что она тонула, а они спасли её.
Ирка спросила, есть ли у них еще самогонка? Бомж сказал, что нету, но - зато - «бабла немеряно». Он вытащил из кармана кошелек, показал его Ирке. Затем опустил кошелек обратно в карман и захрапел.

Ирка, выждав немного, вытащила кошелек из его кармана.
В кошельке было пятьсот рублей, сумма по тем временам довольно приличная.
Ирка забыла, что хотела утопиться. Она бегом бросилась домой. Она собрала все свои вещички, всё упаковала и сказала матери, что завтра уезжает навсегда.
Что бы ни случилось, домой она больше не вернется.

Утром Ирка поторопилась на поезд. Любка, провожая дочь, сильно плакала, видно чувствовала, что видит её в последний раз. Ирка села на поезд, идущий в Новороссийск.

В Новороссийске она сняла комнату и устроилась на работу, посудомойкой в ресторан. Потом её перевели в официантки.

Ирка гуляла с морячками. На красивую женщину многие мужчины обращали внимание, и у неё было много кавалеров. Но однажды Новороссийск посетил питерский криминальный «авторитет». Ирка приглянулась ему. Он предложил ей роскошную жизнь в обмен на любовь и верность. Ирка подумала немного и согласилась, хотя «авторитет» годился ей в отцы. Терять ей было нечего.

ПРИНЦЕССА

Ирка стояла на балконе и смотрела на залитый огнями рекламы Питер. Она спрашивала себя: "Ну, что тебе еще надо, Ирка, а? У тебя есть хорошая квартира, много шмоток, есть деньги, есть шикарная иномарка. Ведь это-предел мечтаний для многих женщин. А тебе всё это свалилось на голову от богатого любовника. Теперь его убили на "разборках", и это всё твоё по праву. Хотя и нехорошо так говорить, но слава Богу, что его убили, а не то, он бы тебя убил, ты ему уже порядком поднадоела за эти пятнадцать лет.

Кем ты была раньше? Полным отбросом и отстоем. А кем стала?
Тут Ирка поморщилась. Да и стала-то не слишком другой. Только денег побольше, да любовник был побогаче. А на сердце такая же пустота. Либо мужики используют тебя, либо ты-их, третьего не дано.

Даже детей у тебя нет. Врачи безапелляционно заявили ей, что детей у неё не будет никогда.

А что, если?...Ирка тяжело вздохнула - нет, и это невозможно. Ей, вернее всего, не дадут усыновить ребёнка. Она живет одна, бывшая любовница криминального "авторитета". Соседи ничего хорошего о ней не скажут.

Но мысль усыновить ребёнка крепко засела у неё в голове. Ирка занялась обменом квартиры. Вскоре она поменяла свою хорошую двухкомнатную квартиру на однокомнатную, с доплатой. Она продала и свою шикарную иномарку, а купила подержанную "девятку". На оставшиеся от обмена квартиры и от продажи иномарки деньги Ирка купила себе небольшой магазин. Теперь она стала "бизнес-леди". Уже никто не звал её Ирккой, все уважительно звали Ириной Львовной. Отчество своё она поменяла.

Ирина попросила влиятельного друга бывшего гражданского мужа помочь ей в усыновлении ребёнка. Она хотела усыновить мальчика. Друг мужа помог Ирине. Он дал денег, кому надо, и вскоре Ирина поехала в дом ребёнка за будущим сыном. Ей показали детишек, но ни один из них не тронул её сердце по-настоящему.

Вдруг она увидела мальчика, сидящего на полу и смотрящего в одну точку. Ирина сразу же почувствовала в нём родственную душу.

Заведующая сказала, что этот двухлетний малыш какой-то "стукнутый". Родители Дениски погибли в автокатастрофе, а он остался жив. С тех пор он перестал разговаривать, не хочет ни с кем играть, даже кушать они его заставляют насильно, чтобы он не умер. Кто знает, чем это кончится. Нежность залила Иркино сердце. Она присела на корточки возле малыша и ласково сказала ему: "Дениска, поехали домой. Я так долго искала тебя и вот, наконец, нашла." Мальчик равнодушно посмотрел на неё.

Первое время Ирина никак не могла растопить Денискино сердечко. Она накупила ему игрушек, книжек, катала его на машине, на ночь читала или рассказывала ему сказки. Она спала вместе с ним в огромной, модной кровати. Всю свою нерастрченную нежность и ласку Ирина изливала на приёмыш. Даже по взгляду малыша она научилась понимать, чего он хочет. Когда он в первый раз заговорил, то Ирина очень обрадовалась. Он назвал её мамой.

Ирине было тридцать пять лет. Дела в магазине шли хорошо, денег ей и Денису хватало. Дениска оттаял. Он оказался весёлым и забавным малышом. Ирина любила его больше жизни. Вскоре она продала старенькую "девятку" и опять купила иномарку.

Ирина решила съездить к матери и дать ей денег на жизнь и на ремонт домишки. Денису она сказала, что они поедут путешествовать. Дениска был очень рад, он любил кататься с мамой на машине.

Путешествие началось очень весело. Ирина, чтобы не утомлять Дениса,

часто останавливалась. Ночевали они в первоклассных гостиницах. Но чем ближе подъезжали они к родной станице, тем грустнее становилась Ирина. На неё нахлынули такие чёрные воспоминания, что хотелось немедленно повернуть домой.

Подъехав к родному дому, Ирина увидела, что дома-то почти нет, он весь развалился. Она вышла из машины. К ней тут же подошла постаревшая и поседевшая бывшая соседка, Таисья. В красивой, разодетой женщине она не узнала Ирку.

Ирина спросила, где жильцы из этого дома? Таисья ответила, что их никого давно уж нет. Любка давно умерла, а Ирка куда-то исчезла.

Жить на этом месте никто не хочет, даже бомжи - и те не хотят. Соседка Таисья сказала, что здесь жили одни проститутки, и вообще это место — проклятое. Ирина злобно взглянула на неё и произнесла: "Ты сама-то кто? И кто твой муж? Он-пьянь, а ты сплетница и засранка!". С этими словами она села в машину.

Таисья тут же побежала посплетничать с другими бабами о необычной посетительнице.

По щекам Ирины медленно текли слёзы.
- "Мама, ты плачешь?" - настороженно спросил Денис.
- "Ну что ты, сынок? Просто мне пыль в глаза попала. Поехали отсюда поскорее!" Машина плавно развернулась и покатила прочь от развалюхи.

Сиротинка-наполовинку

Баба Даша пекла пирожки. Вдруг дверь распахнулась и на кухню к ней вбежала соседская девчушка, Аленка. Аленка дрожала от холода. Она протянула к печке красные ручонки и попросила бабу Дашу: "Бабушка, можно я у вас погреюсь?"
- "Куда ж тебя денешь! Бери, вон, пирожок горячий, пока совсем не замерзла. А что мамка печку не топит, холодно ведь."

Уплетая пирожок, Аленка ответила: "А что мамка? Ей не холодно, она все время пьяная. Они с дядькой Борькой улеглись на диван и храпят, как паровозы, а дома в ведре вода замерзла!".

Баба Даша сказала: "Ты будь тут, Аленка. Когда мамка затопит печку, тогда и домой пойдешь, а если не затопит, так и ночуй тут, со мной."

Вошел сын бабы Даши, Толян. Он был навеселе. Баба Даша разозлилась: "Толька, ты опять пьяный! Когда это кончится? Где ты только деньги берешь? Тут хлеба не на что купить, а ты на самогонку каждый

день находишь." Толян подкатился к своей кровати и бухнулся на нее.

Аленка подошла к нему, взяла его за ногу и стала стаскивать с неё ботинок. Он пьяно улыбнулся ей: "Ты уже здесь? Скоро совсем к нам переселишься, станешь моей сестричкой. Ладно, иди, я сам ботинки скину."

Аленка подошла к бабе Даше, обняла её и проговорила: "Бабушка, не ругайся, он скоро проспится, и опять хорошим будет. И мамка моя хорошая, когда проспится.»

- "Они хороши только когда спят!".

- "Бабушка, а зачем ты картошки столько в кухню наносила?"

- "Да вот, перебирать надо. Скоро весна, сажать надо будет."

- "Бабуль, давай я помогу, только скажи, как её перебирать?"

- "Нет ничего проще. Отрывай ростки, а гнилую выбрасывай, вот и всё."

Баба Даша вместе с Аленкой начали перебирать картошку. Аленка согрелась и весело рассказывала бабе Даше про дела в школе. Алена ходила во второй класс. Баба Даша была в курсе всех ее школьных дел.

Дружба бабы Даши и Аленки началась давно, девочке тогда было всего три годика. Мать Аленки, Жанна, сильно запила. Отец ушел от них.

Однажды Аленка, сильно замерзшая и заплаканная постучалась в дверь к бабе Даше. Увидев посиневшие Алёнкины губы и руки, баба Даша сказала ей: «Как будет у вас холодно, так ты дома не сиди, а приходи сюда греться. Моя бедненькая сиротинка!"

Аленка ответила ей тогда: "Сиротинка - наполовинку. Ведь у меня только папы нет, а мама - дома." Баба Даша не нашлась, что ответить на это. Жанна то бросала пить, то опять начинала. Она то принимала каких-то мужиков, то выгоняла их. Ни один путёвый мужик к ней в приемы не шёл. С горя Жанна начинала пить. Она по-своему любила дочку, но когда пила, Алёнка ей только мешала.

Алёна пыталась разогнать пьяные сборища, но её никто не слушал. Тогда она шла к бабе Даше, рассказывала ей про свои горести и плакала. Баба Даша утешала девочку, угощала её чем-нибудь вкусеньким и частенько оставляла у себя ночевать. Аленка привязалась к бабе Даше и старалась во всем помогать ей.

Весной баба Даша, Толян и Алёнка сажали на огороде картошку. Баба Даша учила Алёну: "Главное, деточка, делать все с любовью. И земля, и растения, и семена-все они живые и чувствуют, как человек к ним относится. Будешь всё делать с любовью - будет хороший урожай, а будешь делать «спустя рукава»-отдачи не будет никакой."

Алёнка дома учила свою мать: "Ну кто так чистит картошку? Баба Даша чистит тоненько, ровненько и готовит она с любовью, не то, что ты. У неё даже варёная картошка очень вкусная, а у тебя жареное мясо есть

невозможно, потому что оно жёсткое. Мамуля, надо делать всё с любовью и охотой, а иначе лучше вообще не делать."

Жанна злилась на бабу Дашу, думая, что она настраивает против неё дочь. Как-то Жанна высказала бабе Даше всё, что думает о ней. Баба Даша опечалилась, она никогда не говорила девочке ничего плохого о матери. Алёнка сама видела, как живет баба Даша и как живет мать, сравнивала их одну с другой и сравнение всегда было не в пользу матери.

Однажды Алёнка пришла из школы грустная. Она рассказала бабе Даше, что две одноклассницы издеваются над ней, называют ее замарашкой, смеются над её одеждой и обувью. И в самом деле у неё все старое, вылинявшее. Баба Даша посоветовала Алёнке не отвечать злобой на злобу. Она научила девочку сказать обидчицам, что не все люди имеют возможность хорошо одеваться. Она еще маленькая, чтобы сама могла себе что-то заработать. А вот когда вырастет, тогда они посмотрят, кто будет лучше одеваться.

Алёна предложила девочкам пари, кто сможет лучше одеться, когда они вырастут. Девочки приняли пари и отстали от Алёнки.

Толян привел домой невесту. Баба Даша обрадовалась. Наконец-то непутёвый сыночек надумал жениться. Но потом она была обеспокоена тем, что Оксана (так звали невесту) не подходит к ней, не разговаривает с ней, не предлагает помочь. Пришла Алёнка. Она зашла в комнату к Толяну и увидела, что и Толик и Оксана пьяные. Она пошла и сказала об этом бабе Даше. Вечером Толик с Оксаной вышли из комнаты. Они хотели куда-то идти.

Баба Даша загородила им дорогу: "Может, поговорим? Оксана, если ты пьешь, то больше сюда не приходи. Мне не нужна невестка-пьяница, хватит сына-алкаша. Плохо, когда пьёт мужчина, но не дай Бог, когда пьёт женщина. Пьющая женщина - это безобразно, это горе для её детей..." Больше Оксану баба Даша не видела. Толян сказал бабе Даше, что жениться на Оксане он не собирался, просто привёл её на время. Баба Даша возмутилась, что сын хочет сделать из своего дома притон, она сказала, чтобы больше подобных женщин она не видела.

Баба Даша пекла на кухне блины. С горечью она думала о том, что газ вот-вот кончится, а купить новый газовый баллон - нет денег. Опять придется занимать до пенсии. Она вспомнила, что когда был жив её муж, Петрович, таких проблем у неё не было.

Петрович обеспечивал её деньгами, всегда вовремя заготавливал дрова,

покупал муку и масло. Овощи: картошку, лук, чеснок, помидоры, огурцы они выращивали на своем огороде в изобилии, хватало даже продать.

Она закатывала огурцы, помидоры, томат, компот в трехлитровые банки на зиму.

Они держали кур и поросёнка. На зиму тогда еды было вволю. А теперь крутом одни проблемы.

Сын Толька пошел не в отца. И в кого он такой лодырь и пьяница? С работы отовсюду гонят за пьянку, дома не хочет браться ни "за холодную воду". Хозяйства у них никакого нет, только огород один и кормит.

Невесёлые мысли прервала Аленка. Она влетела в кухню и спросила бабу Дашу: "Бабуль, угадай, что у меня в руке?"

Баба Даша ответила, что не знает.

Аленка разжала руку. На её ладошке лежала красивая брошь. Баба Даша нахмурилась: "И где же ты взяла такую красоту?"

- "Нашла... на дороге."

- "Хорошо, если нашла. Но не дай Бог, ты её украла у кого-то. Больше всего в жизни я не люблю воришек. Им никогда нельзя доверять. У меня в хате нечего красть, но я бы воришку на порог не пустила."

Алёнка густо покраснела и расплакалась. Баба Даша принялась её утешать.

- "Ну, не плачь, Алёнушка. Ты ж не хотела брать эту брошку, это руки противные сами её утащили. Теперь надо просто вернуть брошь хозяйке - и все дела. Ты у учительницы её взяла?"

- "Нет! Что ты бабушка? Я её у Динки, у одноклассницы, спёрла. А как теперь отдать? Надо мной весь класс смеяться будет!"

Бабушка, можно я эту брошку Динке в портфель подкину. Бабушка, ну пожалуйста, разреши, я больше никогда воровать не буду!"

- "Ну, хорошо, Алёнка, положи в портфель, но больше никогда такого не делай, а то я любить тебя не буду. И в хату пускать не буду."

К Жанне пришли две женщины из детской комнаты милиции.

Соседи пожаловались, что женщина постоянно пьёт, а её дочь полностью заброшена. Они увидели, что в хате у Жанны кавардак, сама она пьяная, да ещё какой-то мужик на полу валяется. Они спросили, где её дочь. Жанна ответила, что дочь у соседки и показала, у какой. Женщины пошли к бабе Даше.

Они увидели у неё Алёнку. Девочка была чистенькая и накормленная.

Женщины сказали, что они поднимут вопрос о лишении Жанны материнских прав.

Баба Даша попросила: "Не надо лишать её материнства.

Жанна-несчастливая женщина, ей почему-то всегда не везёт. Она очень любит Алёнку, без дочки она совсем пропадёт.

И я помогу, чем могу. Пока я жива, у Алёнки есть и защитница, и заступница. Я люблю Алёнку, как свою внучку, и она любит меня. Не лишайте меня этой

последней радости."

Баба Даша приболела. Она лежала в постели и постанывала. Алёнка метеором смоталась в аптеку, принесла бабушке лекарства. Девочка ласково сказала:
"Бабуля, выздоравливай поскорее, а то когда ты болеешь - и мне плохо. Ты для меня самая-самая лучшая, даже лучше мамы!"

Колдунья

Бабу Полю все в совхозе считали колдуньей. Люди обходили её дом стороной, но когда кто-то серьёзно болел, или были проблемы в личной жизни, обязательно шли к бабке. Баба Поля никого не прогоняла, денег не брала, люди несли что-либо из продуктов, так как пенсия у бабки была маленькая, а никакого хозяйства она не держала.

У моей школьной подружки, Анютки, загулял отец. Мать её плакала и переживала, так как дома было четверо детей, их всех надо было растить, а папаша и «в ус не дул». Анютка слёзно просила меня пойти к бабке Поле, вдруг она чем-то поможет их семье. Немного подумав, я согласилась, время тогда было такое – никто ни в какую чертовщину не верил, хотя неизвестного всё равно побаивались.

Мы звали бабку в два тоненьких детских голоса. Она вышла и удивилась : "А я думаю, кто тут так тоненько пищит, а это вы. И учительская девочка пришла. Проходите, рассказывайте, зачем пожаловали. Мы, запинаясь, перебивая друг друга, начали излагать суть дела. Баба Поля подняла руку и проговорила : "Анютка, говори ты, тебе ж нужна помощь! Аннушка, волнуясь, начала рассказывать о папашиных пьянках и гулянках, и что мама ночи не спит, ждёт его, переживает. Бабка перебила её : "Знаю я твои проблемы, слухом земля полнится." - и вдруг, повернувшись ко мне : "А тебе этот мальчик проходу не даёт?"

Я вытаращила глаза : "Откуда Вы знаете? Мне второгодник Пашка записки пишет, свиданья в кукурузе назначает, весь класс смеётся, а он не видит." Она улыбнулась : "Мальчишки шли, разговаривали. А средство избавиться от него простое. Скажи : "Не стой, постылый, на моей дороге!" - запомнишь?
- "Обязательно запомню. Спасибо, бабушка."
- "А тебе, Анна, задание посложнее будет. Твои мама с папой спят на

двухспальном матрасе.

С одной стороны матраса нашивки красные, а с другой – чёрные.

Так ты чёрные срежь все до единой, поняла?»

Мы бегом кинулись срезать нашивки с матраса.

Мать с отцом были на огороде, так что нам никто не мешал.

Подняв матрас, мы увидели, что на обратной стороне нашивки действительно чёрные, а на этой были красные.

Мы взяли по бритвочке и начали быстро срезать нашивки.

Я- ничего, а Аннушка сильно порезала себе палец и вымазала в кровь матрас, но работу не прекратила.

Когда родители вернулись с огорода, все чёрные нашивки были срезаны, а матрас лежал на своем месте, застеленный покрывалом.

На следующий день, встретив Пашку в школе, я сказала ему : "Не стой, постылый, на моей дороге."

Он грустно посмотрел на меня и ничего не сказал.

После этого записки прекратились, Пашка перестал меня донимать, приглашать на свидания в кукурузу. Зато я увидела, что Пашка – довольно красивый мальчик и нравится многим девочкам. И за что я его так не любила?

Не знаю, что тут сыграло роль, но Пашка перестал обращать на меня внимание, и это сердило меня не на шутку.

Прошёл месяц.

Отец Аннушки перестал уходить из дому, пить, стал во всём помогать матери; мать нарадоваться на него не могла. Семья опять стала дружной, сплочённой.

Мы решили отблагодарить бабу за помощь.

Анюта взяла из дому кусок сала, я взяла десяток яиц и конфет – и мы пошли к бабе Поле.

Мы позвали её.

Она вышла и весело проговорила : " А я вас сегодня почему-то и ожидала, чай заварила, оладьев напекла."

Мы пили чай и разговаривали.

Баба Поля рассказывала нам интересные случаи из своей жизни и жизни других людей. Она оказалась очень интересным человеком.

Нам она сказала : "Все считают меня то ли колдуньей, то ли ведьмой, а ведь всё не так.

Просто мне чуть-чуть больше других дано видеть и слышать, дано знать травы, их свойства, но я – верующий человек, а значит ведьмой или колдуньей быть не могу.

Но как объяснить это людям?"

Мы слушали бабу Полю и нам было от души жаль её.

И в самом деле – со своими проблемами все шли к ней, а потом её же и

осуждали.

Она посмотрела на наши расстроенные лица и улыбаясь проговорила : "Не печальтесь, девчонки, у вас ещё всё впереди!

У одной будет хороший муж, а у другой – муж не очень, но жизнь будет интересная.

Будьте счастливы и чисты душой, как сейчас!"

Лунатик

Соседка моей мамы была самым настоящим лунатиком.

На полнолуние она засыпала в своей кровати, а просыпалась где-то совсем в другом месте, в одной ночной рубашке.

Ночью она вставала, не просыпаясь при этом и куда-то шла, а потом внезапно просыпалась,на ходу, шла неведомо куда и зачем.

Она жила с мужем и тремя детьми, но ни муж, ни дети никогда не слышали, как она вставала и уходила. Сначала её «походы» были несчастными, потом всё чаще и чаще. И она сама и муж начали беспокоиться.

Её муж услышал как-то, что в станице Тбилисской живёт дед, который лечит недуги – и телесные, и душевные.

Он повёз свою жену к тому деду.

Дед оставил её у себя на три ночи.

Днём дед заставил женщину работать на своём огороде. Она с ног валилась от усталости.

Было полнолуние. Встав ночью, она сильно ударилась лбом обо что-то невидимое. Оставшуюся часть ночи она не смогла уснуть.

Днём дед опять заставил её работать, дав ещё более сильную нагрузку. Ночью она опять поднялась и опять сильно ударилась лбом обо что-то. Усталость пересилила страх, и она уснула.

Проснулась поздним утром. Дед стоял над ней. Он проговорил : «Ты здорова,езжай домой. Третья ночь не нужна.»

После этого, как бабушка пошептала, она перестала ходить-бродить в полнолуние.

Думаю, что мистики здесь никакой нет, просто дед обладал сильнейшим гипнозом, а может быть и ещё какой-то целительной силой. У деда от другой его пациентки она слышала рассказ, который я привожу здесь.

Но тут уж мистики на всю катушку. Но за что купила, за то и продаю.

Степан познакомился с Юлей на танцах.

Молодая,красивая девчонка сразу же пленила сердце романтического юноши. Он проводил Юлю до дома, назначил ей свидание, потом с ходу сделал предложение руки и сердца.

Они встречались каждый день, и Степан заметил, что Юлия становится

беспокойной и невесёлой.

Приближалось полнолуние. Юля сказала, что уезжает к родителям на неделю. Степан еле дождался возвращения любимой.

Хозяйка квартиры просила Юлю поскорей съехать с квартиры. Девушка сказала, что выходит замуж и скоро освободит жилплощадь. Юля попросила, чтобы пышной свадьбы не было, чтобы были только свои. Родители Юли вели себя на свадьбе как-то странно, они как бы сторонились дочери и зятя и после свадьбы сразу же уехали.

После свадьбы жизнь быстро вошла в свою колею. Юля была милой, доброй, чистоплотной. Молодой муж млел от счастья. Но с приближением полнолуния молодая жена становилась всё мрачней и грустней.

Как-то, проснувшись ночью, Степан не обнаружил рядом горячо любимую жену. Он вышел, поискал её во дворе...и вдруг увидел её на улице, за калиткой. Она объяснила, что хотела поймать низко летящего голубя, поэтому выскочила в ночной рубашке за калитку. Степан подумал: "Ночью голуби не летают, что-то темнит молодая жёнушка." На следующую ночь он решил не спать и понаблюдать за ней. С восходом Луны Юля поднялась с постели и тихонько вышла во двор. Степан пошёл за ней.

Выйдя на улицу, она начала кружиться, будто бы с кем-то держась за руки, смеяться...

Степан поначалу прятался, потом понял, что Юля его не видит, даже если он будет стоять рядом с ней.

Потом она быстро побежала по дороге, Степан – за ней.

Она долго бежала, кружилась, смеялась, потом вдруг резко остановилась и увидела Степана. Юля вся задрожала и заплакала. Степан накинул ей на плечи свой пиджак, потому что она была в одной ночнушке и повёл её домой.

Дома он сказал : "Рассказывай всё – только честно, не ври мне!"

Вот что рассказала ему любимая жена.

- Как-то раз, когда мне было 12 лет, ночью ко мне в гости, то ли во сне, то ли наяву, прилетела или пришла девочка такого же возраста, как я. Мы с ней подружились, бегали вместе, разговаривали по душам.

Она стала приходить ко мне каждое полнолуние, три ночи.

Я всегда с нетерпением ожидала этих встреч с подружкой. Зовут её Элия.

Теперь я не знаю, что мне делать. Я люблю тебя, а она ненавидит, просит меня уйти от тебя.

Почему-то мне кажется, что Элия действительно существует, а не призрак.

Росла я, росла и она. Теперь ей столько же лет, как и мне.

Степан не знал, что ему делать. Вдвоём с женой они поехали к родителям Юли. Родители поняли, что зять всё знает про Юлию. Вот что они рассказали.

- Мы заметили странности дочери, когда ей было тринадцать лет. На полнолуние ночью она куда-то уходила и возвращалась под утро растерянная и замёрзшая. Когда уходила – мы никак не могли уследить за ней, видели только когда она возвращалась. Нам посоветовали класть ей под ноги мокрую тряпку. Вначале это помогло, а потом Юлия легко, словно лань, перепрыгивала через тряпку и всё равно уходила.

Однажды мы получили в совхозе пять мешков пшеницы и оставили её во дворе. Утром проснулись – пшеница исчезла! Думали, что её у нас украли. Но соседка видела, как ночью Юля легко и быстро перетащила все пять мешков на чердак, да ещё и разговаривала и смеялась с кем-то невидимым. А ведь пшеница тяжеленная, в мешке пятьдесят кило. Полезли на чердак, мамочка родная, пшеница была там. Юле тогда было всего семнадцать лет. Раньше нам удавалось скрывать лунатизм дочери, а теперь, с лёгкой руки соседки, пошли такие чёрные сплетни, что Юле пришлось уехать из дому. Но нигде она долго не задерживалась, узнав о её странностях, хозяева тут же отказывали ей в квартире. Потом она встретила тебя, полюбила, но боялась потерять из-за этой Элии. Ну вот, теперь ты всё знаешь, тебе решать, как быть.

Переночевав у родителей, Юля загрустила ещё больше. Она с тоской сказала Степану : "Милый мой Стёпушка, ночью приходила Элия и сказала, что ни с кем не желает делить меня. Она хочет, чтобы мы были всегда вместе и только вдвоём. Завтра начинается полнолуние, она придёт. Сегодня она была как бы во сне. Я люблю тебя, Стёпа, помни об этом." Ночью Степан решил не спать. Но только голова коснулась подушки, он тут же уснул. Проснувшись, он с ужасом понял, что жены нет рядом. Он выбежал на улицу. Юля шла по крыше дома, по самому коньку, шла легко, бесшумно, словно играючи, вот вроде оступилась... Степан крикнул : "Юлечка, держись! Я сейчас помогу!" Она остановилась, будто споткнулась и тяжело рухнула с крыши. Дом был невысокий, но падая, Юля сломала себе шею. Смерть наступила мгновенно.

Сидя у гроба и глядя на красивое лицо жены, Степан думал о том, почему она не сказала ему сразу обо всём? И он тоже хорош, начал разбираться в чём-то, а нет бы – сразу к экстрасенсу повезти. Но теперь ничего нельзя вернуть. Степан прошептал : "Ты победила, Элия."

Откровения четырёх подруг

Они собрались сегодня вместе, что очень редко случалось с ними в последнее время. Четыре подружки, четыре близких души. Одна из них, Лариса, потеряла девять дней назад своего мужа, с которым прожила вместе 40 лет.

Люди, пришедшие на поминки, уже давно разошлись, а подружки всё сидели, наслаждаясь обществом друг друга.

Вера тихонько спросила : «Тебе очень плохо, Ларочка? Как я тебя сейчас понимаю.»

Лариса медленно произнесла : «Плохо?...Нет, девочки, мне хорошо, мне очень хорошо! Я рада, я отдыхаю душой и телом.

Если бы можно было петь и плясать на поминках, то я бы спела и сплясала. Осуждаете? Тем более сейчас...Ну, слушайте! Вот мой «скелет в шкафу».

Я вышла замуж невинной девочкой.

Своего мужа я хорошо не знала, мы встречались всего месяц.

Его родичи были в восторге от меня, а мои – от него. Юра был вежлив, ненавязчив, очень ласков со мной.

Но после свадьбы, когда мы остались одни, он стал настоящим зверем.

Я знала, что происходит между мужчиной и женщиной в свадебную ночь, но такого я не ожидала.

Он сорвал с меня платье, порвал бельё и повалил на кровать. Я сопротивлялась, как могла. Он бешено целовал меня, его мокрые губы были повсюду, руки жадно шарили по всему телу. Мне хотелось орать, но я не могла и пикнуть.

Я решила не сопротивляться, всё же он – мой законный муж.

Всё, что было потом не передать...боль, кровь, мои стоны...его это только подзадорило, он мучил меня всего около часа.

Потом произнёс, как ни в чём не бывало : «Больно было? Не реви, это только по-первах, дальше будет хорошо.»

Но «хорошо» мне так и не стало. Ночи с ним стали для меня настоящей пыткой. Не могу сказать, что он был неласков, он целовал меня, пытался как-то «завести».

Он ласкал меня, а я лежала и считала минуты, когда это кончится.

Выдержала я десять дней.

На одиннадцатый, утром, я честно сказала ему, что не люблю его и не могу больше так жить. Он выслушал молча, сел на мопед и уехал.

Через три часа мне сообщили, что Юра попал в аварию и очень сильно искалечен : сломаны три ребра, сломана нога, повреждён позвоночник в области шеи, сильно пробита голова. Надежды на полное выздоровление – никакой!

Теперь о разводе не было и речи. Чувство вины переполняло меня через край. Юра напился после нашей ссоры, выехал на встречу и врезался в КамАЗ.

Мне пришлось поселиться в больнице. Я ухаживала за ним, успокаивала его, говорила, что очень люблю, а тогда просто на что-то обиделась – вот и сказала глупость.

На его полную реабилитацию ушло шесть лет. Первые четыре мне было легко, потому что он страдал импотенцией и мы не спали вместе. Но потом всё наладилось, и мои мучения начались с новой силой.

Надо сказать, что наши родители скинулись и купили нам довольно хороший, недостроенный дом. Добраивала его я практически сама. Где-то кого-то нанимала, что-то удавалось сделать самой. Я была готова уйти от него, но тут почувствовала, что беременна. Сам Господь Бог помогал моему мужу. На третьем месяце я сказала Юре, что мне противопоказан секс из-за ребёнка. Он отстал от меня.

Я с удовольствием погрузилась в работу(работала телеграфисткой), дома возилась с огородом, хозяйством. Будущий ребёночек придал мне душевных сил жить дальше. Когда родилась моя Алёнка, счастливее меня не было человека на земле.

Алёнке не было ещё и годика, когда мой муж запил. Он то пил, то бросал, гулял, шлёлся, валялся - и так продолжалось лет десять, пока он не стал полнейшим импотентом и полу-идиотом. Чувство вины перед ним никогда не покидало меня. Моя девочка стала для меня всем на свете. Я делала всё, чтобы она не испытывала недостатков, работала, торговала на рынке излишками с огорода. На мужа надежды было мало.

Наконец, поняв, что он выдохся пить и гулять, он одним махом покончил со всеми пороками. С этого времени он стал настоящим диктатором. Устроившись на работу, в охрану, он стал подозрительным и просто невыносимым. Но Алёнку он любил так же, как и я, и это не давало мне уйти от него.

Наша дочка выросла, вышла замуж. Она очень счастлива с любимым человеком. Я её воспитала так, что замуж она смогла выйти только по большой любви. Хватит с меня собственного опыта жизни с нелюбимым.

Вся моя жизнь прошла у вас на виду, но вы видели только внешнюю оболочку, не знали, насколько я ненавижу своего мужа. Я не знаю, что такое страсть, потому что других мужчин у меня никогда не было. Пусть не будет кощунством то, что я чувствую. Я хоть остаток жизни проведу без него.

Вера взяла холодную руку подружки в свои, другую её руку взяла Лиза, другая подруга. Это был успокаивающий и утешающий жест.

Вера тихо проговорила : « У нас сегодня покаяние друг перед дружкой. Я расскажу о своих «скелетах».

Ну, во-первых, я думала, что хотя бы двух заповедей не нарушила : «Не убий», «Не укради».Но оказалось, что это не так, потому что в своё время сгубила ангелочка.

- Ты имеешь ввиду аборт? Так кто из нас в этом не грешен?

Мы тогда не считали это убийством.

- Но это не умаляет вины за убийство.

- Конечно, нет. Но тогда уж всем нам надо каяться.

- Значит, я первая каюсь.

О своей жизни с мужем...Ну что я могу сказать?

Я тоже не любила его, но в отличие от твоего,Лариса, он был настоящим мужиком, и он не был мне противен. Плохо то, что он сильно пил.

Будучи очень больным, он никогда не кричал, не стонал, хотя прекрасно знал, что умирает. Он находил силы улыбаться мне, я улыбалась в ответ, а потом бежала в кухню и ревела там белугой. Никогда в жизни я не плакала столько и так горько. Мне было очень жаль его. А он держался из последних сил до самой смерти. Умирая, он тихо сжал мою руку, я ответила на пожатие – и всё.

Но я не об этом хотела рассказать, это вы уже и так знаете.

Одно время мы очень дружили семьями; мы с Андреем и Дарья с Олегом. Потом Дашка загуляла с Сергеем, а Олег приходил и жаловался нам на жену. Говорил, что его рога достали уже до неба. Я жалела Олега, утешала его, иногда ласково, дружески тепло обнимала его и целовала в небритую щёку.

Потом Дашка и вовсе сбежала от него.

Её все осуждали, потому что Олег был довольно хорошим хозяином, красивым мужчиной; но как человек он был неприятен.

Так вот, через год после смерти Андрея он появился ко мне пьяный и предложил сойтись и жить вместе. Я перевела всё в шутку.

Глядя на него, я вспоминала Анрюшку и сравнение было не в пользу Олега.

Андрей был очень добрым, он скорее бы отдал своё, чем взял чужое.

Олег своего никогда бы не отдал, зато чужое взял бы с удовольствием.

Андрей никогда в жизни не сбил на дороге ни кошку, ни собаку.

Олегу это было всё равно.

Андрей никогда не поднял на меня руку, в любом состоянии.

Олег «учил» Дарью довольно грубо, иногда она неделями не могла свести синяки с лица и тела.

Олег проговорил :

- Выйдешь за меня, горя знать не будешь! Я не то, что твой Андрюха - раздолбай, ни денег не было...хата валится...перейдёшь ко мне...хату продадим...

- Знаешь, Олег, я не собираюсь замуж. У меня куча проблем, болезней, я не хочу грузить кого-то.

- Но ты же любишь меня, я знаю. Всё у нас будет хорошо.

Короче, этот человек принял мою жалость за любовь к себе.

Я тупо посмотрела на него, и вдруг начала хохотать. Он злобно спросил :

- Я сказал что-то смешное?

Я захохотала ещё сильнее, как смешинка в рот попала, никак не могла остановиться.

Он грубо схватил меня за плечи, нажимая большими пальцами на шею. Андрей себе такого никогда не позволял.

Олег шептал какие-то утешающие слова, пытаюсь повалить меня на диван.

Я оттолкнула его. Олег упал, но тут же вскочил, догнал меня и схватил за горло. Хорошенько придушив, он изнасиловал меня.

Такого унижения я не испытывала никогда. После всего этого он помог мне подняться и стал говорить, как он меня любит и как всегда любил. Я изо всех сил ударила его кулаком в лицо, разбила ему губы, а себе костяшки пальцев о его зубы.

Он толкнул меня на пол и прошипел :

- Ты пожалеешь об этом, сучка. Кому ты нужна? К тебе со всей душой, а ты всем задом.

И он медленно удалился.

Лариса, я не могу представить, как ты всю жизнь жила с человеком, который тебе противен.

Мне после всего того ужаса хотелось содрать с себя кожу, настолько было противно. Я сама себе казалась грязной и гадкой.

Хотела подать на него в суд, но как представила себе все эти «вещественные» доказательства, то сразу отказалась от такой мысли.

Когда я взглянула на себя в зеркало, то была в шоке : на шее и плечах была гирлянда из огромных синяков.

Вы тогда смеялись, что я в такую жару ношу на шее платочки или шарфики, а я говорила, что горло болит.

Лиза проговорила :

- Никогда бы не подумала, что он на такое способен. Хороший хозяин, красавчик, соседи уважают. Сколько всё-таки загадок в человеке.

А мы-то всё гадали, почему ты его обходишь десятой дорогой. А ты не

поторопилась отказать ему? У него и домина такой, и деньжата есть, эдак лимона три-четыре. Всё ж тебе получше жилось бы. Ты видишь, он до сих пор не женился, может и в самом деле любит. - Для меня он – настоящий рвотный порошок. Смотреть на него спокойно не могу, так и хочется ещё раз влить ему в рожу. Это было самое большое унижение в моей жизни. Простить пока не могу, и хотела бы, да душа не лежит.

Сидевшая до этого молча, Светлана вдруг тихо засмеялась :
- Девчата, сейчас я вам расскажу...ваши «скелеты» покажутся вам «скелетиками».

Двадцать лет я молчала. А сегодня решила снять тяжесть с души. Вы все хорошо помните то время. Двадцать лет назад неожиданно исчез мой муж. Его искали, но не находили. Через два года в посадке обнаружили полуистлевший труп. Когда следователь приехал ко мне, начал описывать этот почти что скелет, то я, якобы по золотым зубам, обрывкам одежды узнала своего мужа. Но хоронить его я наотрез отказалась, сославшись на полное отсутствие денег.

Что тут началось! Меня все осуждали направо и налево. Как это так, прожив долго вдвоём, не отдать последний долг, не похоронить. Думаю, что и вы меня осуждали, ну не вслух, так в душе. А не похоронила я найденного человека потому, что это был не мой Димка. Просто мне надо было, чтобы дело закрыли и перестали его искать.

В самом деле произошло вот что.
Димка в то время «зверски» пил. Антошка, сын, только что женился, жена была беременна. Надо сказать, что Антон тоже пил, не отставал от бати. Однажды Димка напился и придя домой пристал к Алинке, невестке.

Отбиться от него она не могла, он был очень сильный. Он уже повалил её, сорвал всё, что было на ней - и тут вошла я. Я схватила его сзади, стала оттаскивать от Алины, но он толкнул меня в грудь, я отлетела, а он опять навалился на невестку. Тогда я выскочила на улицу, схватила в руки топор и обухом ударила Димку по голове. Да, девчонки, это я убила его.

Я сидела уставившись в одну точку и молчала.
Алина, придя в себя, тихонько спрашивала меня, что мы теперь будем делать? Антона в ту ночь не было дома, его пьяного задержала милиция. Я знала, что в доме возле поля никто не живёт и что в глубине двора есть заброшенный колодец.
В два часа ночи мы согнули и положили труп Димки на тачку и повезли в тот двор. Взяли с собой и какие – то тяжёлые запчасти от машины.

Мы подошли к колодцу, сняли вдвоём Димку и бросили его в колодец.

Сверху бросили тяжёлые железяки. Потом накрыли колодец деревянной крышкой.

Пять лет я почти никуда не выходила и никого не хотела видеть, даже вас. Антошка с Алинкой успели за это время развестись, разбежаться кто-куда, но внука они оставили мне.

Только это помогло мне выжить.

За малышом надо было смотреть, кормить его, играть с ним.

Мой внучек, Олежка, не дал мне впасть в депрессию.

Через семь лет тот дом, наконец, купили.

Когда новые жильцы хотели почистить неглубокий колодец, подняли тяжёлые железяки, то из колодца начали всплывать кости.

Сначала они думали, что это кости какого-то крупного животного, но потом поняли, что это человеческий скелет.

Они вызвали ментов. Помните, тогда тоже много шума было, но так и не узнали, кто это и кто его.

Я молилась день и ночь об упокоении Димкиной души и о том, чтоб он меня простил.

Мне он за двадцать лет ни разу не приснился.

Вы теперь наверное и разговаривать со мной не будете?

- Кто мы такие, чтоб судить тебя? Сами не святые.

Вера с Лизой начали потихоньку всхлипывать, и через минуту все подружки обнявшись, горько плакали.

Потом Вера, улыбаясь сквозь слёзы, сказала подругам :

- Девочки, а ведь мы почти ничего друг о друге не знали. Жили рядом, вроде бы, дружили, делились всем, чем могли... А сколько секретов...

Лиза тоже улыбнулась :

- А я и не знаю, что вам рассказать. Ну, было у меня два аборта.

Мужа своего я ненавижу – это однозначно! А ведь когда-то любила.

Вы теперь все вдовушки, только я замужняя. А что толку с того замужа?

Пьёт, валяется, спит.

Вот сейчас мы дружно оплакали ваших умерших мужей и мой несчастный во всех отношениях брак.

Привидения

В тот вечер я никак не могла уснуть. В голову лезли дурные мысли, было очень тревожно и грустно.

Я вышла на улицу и, включив под навесом свет, начала потихоньку ходить по дорожке туда-сюда. Вдруг из темноты я услышала голос моей соседки,

Инессы :

- "Соседка! Ты чего это туды-суды вышагиваешь?"

- "Нездоровится что-то, тоска какая-то."

- "Пошли ко мне в гости."

- "Пойдём!"

Я решительно вышла за калитку, и мы с Инессой направились к её хате. Во дворе и в доме было темно, потому что света у Инессы не было.

Я споткнулась через порожек и невольно воскликнула :

- "Как ты живёшь без света? Это – невозможно!"

- "Какие мы нежные?! А я живу и не жалуюсь никогда."

- "Я не вижу, куда идти."

- "Давай руку."

Она взяла мою руку, и в меня словно влилось её спокойствие и умиротворение. Пройдя на кухню, она нащупала и зажгла свечку, предложила мне присесть на колченогую табуретку, а сама занялась растопкой печки.

Я с любопытством разглядывала кухню, которая больше напоминала кладовку. На стенах висели мешочки и пакеты, на полу стояли несколько больших мешков с сухими веточками для растопки печки.

"Инна, а что у тебя в мешочках?"

"Всё. В холщёвых сумочках – сушёные травы, в пакетах – крупы, сахар, соль, макароны."

"А зачем всё на стенах?"

Она весело рассмеялась : "От мышей. А ты думала, зачем?"

"Я ни о чём не думала, просто спросила."

"А-а-а, ну пошли в комнату, там скоро будет тепло и хорошо."

Мы вошли в большую комнату. Там стояли два дивана по обе стороны окна, один довольно приличный, а другой – обшарпанный, с какими-то большими, серыми пятнами. Между ними , под окошком, стоял маленький самодельный столик.

В большое окно заглядывала полная луна, её свет казался мертвенно-мистическим.

Пламя принесённой свечи причудливо извивалось, свечка тихонько потрескивала. Я робко присела на более чистый диван.

Инесса грустно произнесла : "На этом диване умер твой сосед, Никитич."

Первым желанием, пронзившим мозг, было вскочить и бежать прочь, но усилием воли я подавила страх и осталась сидеть на диване.

Инесса подождала немного и насмешливо спросила :

- "Не боишься? А то я Анютке как сказала про это, она тут же подскочила и пересела на другой диван. А на другом диване лежал дядя Вася, когда его из петли вытащили. Анютка ко мне теперь не заходит."

Я заикаясь проговорила : "З-зачем ты эти диваны себе з-забрала?
как-то жутко, тут умерший, там п-повешенный, ты одна в доме..."

Она засмеялась :

"А как в больнице? Один умирает, другого помещают на его место,
и никто не боится.

Ну, лежали они здесь, так сейчас же нету.

Танюша, я тебе другое сейчас покажу, если не боишься."

Я отчаянно помотала головой.

"Гляди!" – она указала рукой на окно : "Это мама пришла ко мне.
Сейчас поговорю с ней."

Взглянув на окно, я чуть не завопила от страха.

Лунный свет, путаясь в деревьях, проникая везде и всюду, создал
что-то похожее на женский силуэт с очень длинными руками.

Руки шевелились, проникая сквозь окно, и это было не для слаботерпеливых.

Инесса ласково прошептала :

- "Сейчас. Я пойду на улицу, поговорю с ней, а то тут не слышно."

- "Я тоже пойду с тобой."

- "Нет, она чужих боится."

Я ждала Инессу с ужасом и нетерпением.

Она вошла радостная, счастливая.

- "У мамки всё хорошо и у Петьки тоже, а Лёшка там ещё не прижился,
не приходит."

- "А ты с ними как со мной разговариваешь или по-другому?"

- "По-другому. Я даже рта не открываю, но всё понимаю и отвечаю.

Хочешь, приходи завтра, может Петька, братец, придёт.

Или ты боишься?"

Она положила руку мне на плечи, и все мои страхи тут же улетучились.

Я спросила : "А ты можешь поговорить с моей умершей мамой?"

- "Нет! Я могу говорить только с родичами, а больше ни с кем."

Я шла домой и думала об Инессе. Её все считали не совсем адекватной
женщиной. Она жила беднее самых бедных, но никогда не жаловалась.
Она получала пенсию «на голову», как сама говорила и всегда много и
трудно работала. Она вручную копала огород, посадив его, поливала,
таская воду из колодца.

Соседи называли её "рабыня Изаура".

В ту ночь я поняла, что Инесса была очень одинока и несчастна.

Общение с умершими близкими (или видимость общения) как-то
поддерживало и утешало её.

Я вспомнила, как однажды решила сжечь кучу сухого бурьяна. Только
разожгла костёр, как увидела бегущую ко мне Инессу.

Жестикуюлируя руками, она крикнула :

- "Зачем ты палишь? Там же ангелы, вон они летят!"

- "Я никого не вижу...а какие они?"
- "Они белые, сверху сидели."

На следующий вечер, пересилив страх, я опять отправилась к Инне. Она была мне очень рада, рассказывала об отце, о матери, о братьях. Рассказала, что любимый человек оставил её за то, что у неё на руке останавливались любые часы.

- Он сказал : "А вдруг ты мне положишь руку на сердце – и оно остановится?"

Увлечённая рассказами Инны, я не глядела в окно, пока она не сказала :

- "Петька пришёл."

Я со страхом поглядела на окно. Там опять была лунно-теневая фигура, но не женщины, а мужчины, с такими же длинными, проникающими сквозь окно руками. Раньше её там не было.

Инна вышла, оставив меня одну.

Надо сказать, что с покойным братом Инны я не ладила, потому что частенько ловила его у себя в огороде собирающим помидоры, огурцы.

Не так украдет, как потопчет.

Мы часто ругались из-за этого.

Когда Инесса вышла, я почувствовала сильнейшую тревогу, казалось волосы на голове потихоньку шевелятся от ужаса.

Фигура за окном двигалась, колыхалась, наводя страх;я не могла от неё глаз оторвать. Свеча вспыхивала и трещала.

Когда Инна вернулась, меня всю трясло, неизвестно от чего, то ли от страха, то ли от холода. Она была очень недовольна, брату не понравилось моё присутствие.

Вообще-то я не очень верю во всякую чертовщину, в призраков и привидения, но тут что-то похожее я увидела своими глазами.

На следующий день я решила съездить в церковь.

Позвала с собой и Инессу, но она сказала, что в церковь войти ей очень трудно, её как будто бы кто – то выталкивает оттуда.

Я посочувствовала ей и поехала в Храм одна.

Кот-убийца

В одно из сёл Крымского района приехала семья : отец, мать и дочка. Отец, Николай, был здоровым, атлетически-сложенным человеком. Мать, Светлана, была белокурой, красивой женщиной, но очень слабой и болезненной.

Дочь, Олеся, очень напоминала мать, но была крепкой и здоровой девочкой. Ей было двенадцать лет. С собой они привезли сиамского кота, Василия.

О сиамских котах чего только не говорят в народе - они и злодеи, и убийцы и какие-то почти неземные существа - и во всём этом есть доля правды. Зато сиамские коты очень красивы.

У кота Василия была голубовато - серая шёрстка, красивая мордашка с изумрудно-зелёными, меняющими свой цвет глазами. Это было очень крупное для сиамских котов и очень красивое животное.

Светлана и Олеся любили своего кота и баловали его, зато Николай терпеть его не мог, и кот отвечал ему взаимной неприязнью и старался избегать хозяина.

Вскоре соседи заметили, что в семье приезжих не всё так уж ладно. Николай частенько выпивал и видимо, поколачивал своих жену и дочку. Светлана была необщительна, она никому ни на что не жаловалась и дочку просила никому ничего не рассказывать. Как-то Николай, напившись, избил жену, да видимо не рассчитал свои силы - Светлана после жестоких побоев промучилась месяц и умерла. После похорон жены Николай совсем озверел, он пил каждый день и ругал и бил свою дочь. Олеся никому не жаловалась, и только кот Васька был единственным свидетелем её слёз.

Вечерами, забравшись в постель и посадив рядом с собой кота, Олеся с болью жаловалась Ваське, как трудно, почти невозможно так жить. Васька успокаивающе мурлыкал, трогал лапкой лицо и руки девочки, тёрся об них и Олеся потихоньку успокаивалась и засыпала. Однажды Николай, придя домой пьяным, сказал дочери : "Матери нет, а мне нужна женщина, вот ты мне и заменишь её!" Ужасу девочки не было предела. Кое-как она вырвалась из лап зверя-отца и убежала на улицу.

Она не знала, что делать и сидела в кустах возле дома, дрожа от холода. К ней подошёл кот, она прижала его к себе и ей стало теплее. Через некоторое время Олеся поднялась, неуверенно открыла дверь и на цыпочках вошла в дом с котом на руках. Отец всю ночь храпел. Олеся легла в постель вместе с котом Васькой. Она горько плакала. Васька тёрся мордочкой о её лицо и пел свою ласковую песенку. Незаметно Олеся уснула.

Разбудил девочку дикий вопль, донёсшийся из комнаты отца. Олеся от испуга залезла поглубже под одеяло, но дикий крик не прекращался. Тогда она вылезла из постели и на цыпочках подошла к комнате отца. Девочка робко приоткрыла штору и сама закричала от ужаса. На полу весь в крови, с изодранным в сплошное месиво лицом лежал её отец, а на нём бесновался кот Василий. Животное с остервенением рвало, кусало человека, а человек орал от ужаса и никак не мог отбиться.

Олеся выбежала на улицу. Уже рассветало, и возле их дома начал собираться

народ.

Девочка ничего не могла сказать, у неё стучали зубы и она только нечленораздельно мычала. Соседка, баба Катя, увела её к себе. Войдя в дом, соседи обнаружили мёртвого Николая. Больше всего их поразило то, что на лице и на теле Николая не было живого места, будто кто-то вилкой сдирал с него кожу.

Приехала милиция. Подозрение в убийстве сразу же пало на Олесю. Соседи рассказали, что Николай всё время издевался над дочерью, он пил и избивал её, но девочка почему-то никому не жаловалась.

Милиционер, очень грубый молодой человек, сказал Олесе : "Ну, признавайся, что это ты его...он на тебя напал, а ты взяла вилку и...Признавайся, тебе ничего не будет! Олеся прошептала : "Это не я."

- "А кто?"

- "Это Василий..."

- "А кто такой Василий?"

- "Кот!"

Милиционер чуть не расхохотался. Что за чушь? Не хочет девочка признаваться, да ещё небылицы разные выдумывает. Стали искать кота, но он куда-то исчез. Олесю пока взяла к себе соседка, баба Катя.

Через два дня кот нашёл Олесю. Он пришёл к соседке во двор, сел у ног девочки и начал тереться об них. Олеся думала, что теперь она будет бояться кота, но все её страхи улетучились, как только она увидела своего единственного друга.

- "Что же ты натворил, Василий?" - заплакала девочка : "Что теперь будет?"

Опять подъехала милиция. Грубый молодой человек решил проверить версию о коте. Он взял со стола нож(на всякий случай) и попросил Олесю притвориться, будто она плачет и отбивается от него, а сам начал кричать на неё и замахнулся как будто для удара.

И кот не выдержал. Он прыгнул, целясь прямо в лицо милиционеру. Но тот среагировал вовремя, он всадил в кота нож. Олеся вскрикнула, заплакала и выбежала из комнаты.

Отпрыгнув, милиционер взглянул на кота, и волосы на его голове встали дыбом : волоча по полу выпущенные кишки и парализованные задние ноги, на одних передних лапах животное ползло по направлению к нему и взгляд его зелёных глаз горел такой звериной ненавистью, что милиционер содрогнулся, представив на миг, что могло бы быть, если бы он был сонным, да ещё и пьяным. Он взглянул на расцарапанную руку и быстро вышел из комнаты.

Олеся была полностью оправдана.

Она никому не дала закопать кота, а похоронила его сама. Положив его в картонную коробку, она закопала его под молодой яблоней. Потом попросила у

бабы Кати цветов и положила их на бугорок, последнее пристанище кота Васьки.

Бабья доля

Катерина ехала в автобусе и плакала. Только что в Краснодаре осудили её дочь, Валерию, дали за убийство мужа шесть лет. Дома у Валерии осталась годовалая дочь, Оксанка. Сейчас она была у подруги дочери.

У Катерины уже жили внучка и внук, дети старшей дочери, Людмилы. Люда совершенно не интересовалась своими детьми. Она родила их, подкинула матери и забыла о них.

Дети называли Катерину мамой, а когда (в кои-то веки) приезжала настоящая мать, они с восторгом кричали на весь двор: "Мама! Наша Люда приехала!" Теперь надо забирать к себе и маленькую Оксанку. Будет очень тяжело, уж в этом-то Катерина не сомневалась. Старшей внучке, Диане, восемь лет, она пошла уже во второй класс. Внуку, Антошке, шесть лет, он пока ходил в садик. Нянек из них не получится.

Катерина работала на хлебозаводе, пекла хлеб. На работе она очень уставала (весь день на ногах), а дома были ещё хозяйство и огород. И ещё были дети. Маленькие дети для уставшей пятидесятилетней женщины. Теперь добавится совсем крошка. Катерина вышла из автобуса, от слёз она почти ослепла. Она медленно пошла к подруге Валерии за маленькой Оксаной.

Диана с Антошкой вначале обрадовались: "Ксюшка тоже у нас жить будет? Вот здорово!"

Но когда Катерина сказала, что им придётся по очереди нянчить Оксанку, радость сразу поугасла. Кому охота сидеть дома с крохотной Ксюшей?

- "Мам, может мы её в детдом сдадим?" - поинтересовалась Диана.

- "У тебя совсем сердца нету? Она - наша кровиночка, а мы её - в детдом? Тебе не стыдно?"

- "Я не подумав ляпнула. Может мы её в садик устроим?"

- "Устроим, но попозже, а пока будем сами нянчиться."

Ночью Оксана никак не хотела спать.

Катерина сонно напевала внучке колыбельную песенку, покачивала коляску и думала, как теперь жить. Она не плакала, слёз больше не было.

Муж Катерины умер шесть лет назад. Он был очень хорошим, добрым человеком; выпивал только по праздникам, да и то немного. Папа дочкам почти ни в чём не отказывал. Когда он умер, то Катерина не могла помогать им так же

хорошо, как при нём. Тут-то всё и началось.

Старшую дочь, Люду, бросил муж. С горя она запила.

Её дочке, Дианке, было тогда два годика. Она была хорошенькой, умной девочкой.

Люда была беременна вторым ребёнком. Она надеялась, что когда родится второй ребёнок, муж к ней сразу же возвратится.

Люда отвела Диану к матери и почти что забыла о её существовании.

Родился Антошка. Муж к Людмиле так и не вернулся. Тогда она отнесла полугодовалого Антона тоже к матери и тоже позабыла о нём.

Катерина работала и растила двух внучат, никому и никогда не жаловалась. Диану она отдала в садик, для Антошки наняла дневную няню, а потом он тоже пошёл в садик.

Теперь старшие внуки подросли, с ними стало легче. На тот год Антон тоже пойдёт в школу.

Катерина пригрозила Людмиле, что если та родит ещё ребёнка, то будет возиться с ним сама, потому что ей и этих хватит "за глаза".

Теперь ещё и Оксанку растить надо.

Катерина думала, в кого у неё такие дочери?

Старшая пьёт и хнычет о неудавшейся жизни, а младшая, красавица и умница, не задумываясь, ударила мужа ножом, когда узнала, что он ей изменяет.

О малютке-дочери она не подумала, о матери - тоже. На первом месте была её собственная боль.

Оксанка, наконец, уснула. Катерина поставила коляску рядом со своей кроватью и тоже легла.

Ночь была очень короткой.

Рано утром она проснулась, уже с утра усталая, невыспавшаяся.

Она собрала в школу Диану, потом собрала в садик Антошку. Катерина всё делала машинально, по привычке. Оксану она отнесла к соседке-пенсионерке Ивановне.

Она попросила бабушку временно присмотреть за маленькой внучкой, пока не найдёт постоянную няню. Сидеть дома и ухаживать за девочкой она не могла, тогда жить им всем было бы не на что.

На работе женщины сочувствовали Катерине, но помочь ей ничем не могли.

У них у самих были тяжёлые судьбы: у одной муж пил запоем, у другой мужа вообще не было, а ещё двое сами любили приложиться к бутылке.

После работы Катерина поспешила в садик за Антоном. Потом она забрала Оксанку у Ивановны.

Ивановна пожаловалась, что Ксюшка - очень беспокойная девчушка и с ней очень трудно.

Катерина успокоила Ивановну, что уже нашла постоянную няню, но только с понедельника. Ивановна согласилась посидеть с Оксаной до конца недели.

Катерина жила как робот.

Ночью Ксюша капризничала, и Катерина никогда не высыпалась.

Утром она, накормив хозяйство, собирала Диану - в школу, Антошку - в садик, потом относила Оксанку к няне, отводила Антона в детсад и бежала на работу.

После работы она кормила гусей, уток и кур, готовила всем ужин, урывками работала на огороде. Старшие внуки помогали, работали на огороде, но с большой неохотой.

Катерина постарела, поседела. Из красивой женщины она превратилась в старуху. Даже в выходные Катерина не могла расслабиться, надо было стирать, мыть, готовить, работать в огороде, смотреть за маленькой Оксанкой. Но тяжелее всего было осознавать, что дочки выросли вовсе не такими, как хотелось бы им с мужем. Они думали только о себе.

Подрастали внучата.

Диане было десять лет, когда она начала понимать, как трудно бабушке растить их всех. Она стала больше помогать бабушке по дому и в огороде и брата, Антона, тоже заставляла что-то делать.

Диана и Антон уже понимали, что Катерина им не мать, а бабушка, но продолжали называть её мамой. Свою настоящую мать они упрямо звали Людой. Они не любили её так же, как и она их.

Однажды к Катериной калитке подошёл хорошо одетый мужчина с большим свёртком в руках.

Катерина сразу же узнала его; это был Николай, бывший муж Люды, отец Дианы и Антона. Она пригласила его войти, позвала детей.

Катерина представила внукам их отца : "Диана, Антон...это ваш папа." Дети с недоверием смотрели на неизвестно откуда взявшегося папашу.

Николай торопливо развернул большой свёрток и вынув оттуда куклу, протянул её Диане со словами : "Дочка...это тебе...кукла, а Антону - машина..." Диана со злостью ответила : "Я не играю в куклы! Нам не нужны твои подарки! У нас нет папы, есть только мама. Вот она!" - и она крепко прижалась к Катерине.

Николай грустно проговорил : "Я очень виноват перед вами. Я не растил, даже не навещал вас, но это только потому, что я был далеко отсюда, на Севере. Но я всегда любил и помнил вас!"

Диана была непримирима : "А что ж ты ни одного письма не написал, ни одной игрушки не прислал. Пошли отсюда, Антон!"

Катерина упрекнула Диану : "Дочка, так нельзя! Николай - ваш отец, родная кровь. Он раскаивается, что всё так вышло, что не заботился о вас.

Каждый человек имеет право на ошибку. Вы с Антоном должны понять его и принять таким, какой он есть!"

Но Диана повернулась, схватила за руку Антошку и потащила его прочь от папаши.

Николай начал возмущаться, что письма он детям писал, деньги посылал, а ответа никогда не получал.

Катерина ответила, что они ничего не получали. И получать - то ничего не могли, ведь он писал на адрес Люды, а она, видимо, всё уничтожила.

Катерина проговорила : "Не волнуйся, Коля, они привыкнут, только навещай их почаще!"

Николай тихо спросил : "А алименты Вы получаете или Люда?"

Катерина так же тихо ответила : "Я и не знала, что ты платишь алименты. Люда никогда об этом не говорила."

Он удивился : "А как же вы живёте? Двое детей...их и обувь и одеть надо. И хозяйство кормить надо."

Катерина улыбнулась : "Я работаю. Что-то с огорода собираем, что-то с хозяйства имеем."

А детей у нас не двое, а трое. Лерина Ксюшка тоже у нас теперь живёт."

Вскоре Катерине пришла довольно неплохая сумма денег, было указано, что это алименты на Диану и Антона.

Николай сходил куда надо и перевёл алименты с Люды на Катерину.

Людмила прибежала злая, как оса.

Семь лет она жила припеваючи на алименты, не работала, пьянствовала с кем попало, о детях почти не вспоминала.

С порога Люда заявила матери : "Детей я у тебя забираю, материнских прав меня никто не лишал! А ты получила мои деньги - и довольна?"

Катерина возразила ей : "Это не твои деньги, а детские. Какая же ты мать?"

Получала алименты - и ни конфет, ни подарков, ничего и никогда не дала детям. Ты хочешь забрать детей? Ну что ж, попробуй."

Люда вошла в детскую комнатку и заявила : "Диана, Антоша, собирайтесь, мы идём домой. Здесь нам больше делать нечего."

Бойкая Диана отвечала ей : "Наш дом здесь, и наша мама здесь, а ты, Люда, иди отсюда."

Людмила злобно заорала : "Ты как с матерью разговариваешь, соплячка? Антон, собирайся домой!"

Антошка, выглядывая из-за сестры, проговорил : "Я с тобой никуда не пойду. Нам с Дианкой и здесь хорошо. А ты лучше уходи."

В это время вошли Катерина с Николаем.

Увидев бывшего мужа, Людмила взорвалась : "А ты что тут делаешь?"

Это из-за тебя все напасти, и деточки все в тебя, такие же чёрствые и бессердечные!"

Николай медленно произнёс : "Я - такая же сволочь, как и ты."

Мы оба свалили детей на твою мать...а она их не бросила, заменила им и папу, и маму. Теперь она для них всё, а мы - никто.

Теперь мы можем помогать им только деньгами."

- "А где я возьму деньги?"

- "Иди, работай. Ты молодая, здоровая женщина. Хватит пить!"

Тут в дом вошла Оксанка.

Всё время до этого она была в гостях у Ивановны.

Ксюшка показала пальчиком на Николая и спросила у Катерины : "Ма, а это кто?"

В наступившей тишине Катерина ответила : "Это папа Дианы и Антона."

Ксюшка подошла к Николаю, прижалась к нему и тихонько спросила : "Папа, ты к нам насовсем? А то у всех есть папы, а у меня нету."

Николай обнял девочку, погладил её по головке и сказал : "Я теперь часто буду к вам приходить. В следующий раз я принесу тебе большую куклу."

У Катерины на глаза навернулись слёзы, и она быстро вышла на улицу.

Она стояла, вытирая платочком слёзы. Мимо неё чуть ли не бегом промчалась Людмила.

Николай вышел, держа на руках Оксанку. Он осторожно опустил её на землю и проговорил :

"Ну, пока, моя хорошая! Скоро я приду к вам опять. Слушайся маму."

Валерия часто писала матери из тюрьмы.

Только там она полностью осознала свой проступок, и теперь часто просила прощенья у матери за своё бессердечное отношение к ней и к малютке-дочке.

Дочь сообщала, что её, скорее всего, освободят по амнистии, а также за хорошую работу и примерное поведение.

В каждом письме чувствовалась великая тоска Валерии по Оксанке.

Ей был интересен каждый шаг дочери. Катерина никогда не жаловалась, как ей трудно с тремя маленькими детьми.

Её письма дышали радостью и надеждой. Она писала, что дети растут хорошими и во всём помогают бабушке.

Когда Оксанка немного подросла, Катерина начала рассказывать ей о матери. По её словам Валерия была самой лучшей мамой на свете.

Ксюшка заочно полюбила свою мать, но мамой она всё равно называла

Катерину, потому что её называли так старшие внуки, а малышка им во всём подражала, как маленькая обезьянка.

Диана росла бойкой, смелой и очень живой девочкой. Она вовсю командовала братом и маленькой сестричкой.

Диана очень хорошо училась и мечтала стать врачом. Она больше напоминала Катерине Валерию, тётушку, чем Люду, родную мамашу.

Катерина отмечала своё пятидесятипятилетие.

По возрасту она вышла на пенсию, но пока не знала, будет она дома или ещё поработает.

На работе Катерине подарили хорошую стиральную машинку и просили ещё поработать.

На юбилей Катерина пригласила двух сотрудниц, да трёх соседок. Позвала она и Люду, и Николая с женой.

Люда пришла, а Николай нет, видно постеснялся прийти с другой женой.

В доме было жарко, и Катерина с Дианой накрыли стол на улице, под виноградной беседкой.

Люда попросила Диану : " Ты с Антоном хоть когда-нибудь зашла бы к матери."

Диана огрызнулась : "Да кто ты мне такая? И что нам у тебя делать? Нитьё слушать?"

Вмешалась Катерина : "Диана! Это что такое? Сколько тебе говорить, что каждый человек может ошибаться. Конь о четырёх ногах, и то спотыкается иногда."

Диана промолчала, чтобы криком не портить праздник бабушке.

Женщины, немного подвыпив, начали петь народные песни.

Меняла блюда и подавала на стол повзрослевшая Диана.

Потом она присела за стол и стала петь вместе с женщинами.

У Дианы был чистый, звонкий голос. У Катерины голос был поглубже, но очень приятный. Они запели на два голоса так красиво, что даже прохожие останавливались и заслушивались.

Женщины полностью отдались песне и не заметили, что в калитку вошла худая, коротко стриженная женщина.

Катерина вдруг замолчала, выскочила из-за стола и пошла по дорожке, протягивая руки к стриженной женщине : "Лера, доченька..." Они крепко обнялись и заплакали от счастья.

Люда тут же подскочила к сестре : "Лера, тебя уже освободили?"

Подошла Оксанка и с недоверием уставилась на худую тётю.

Катерина обняла её и сказала с нежностью : "Ксюша, это твоя мамочка."

Оксанка застеснялась, вырвалась из её рук и убежала в дом.

Подошли Диана и Антон. Валерия удивилась : "Какие вы уже большие! Диана совсем невеста."

Диана съязвила : "А ты такая худая, наверное, ветром качает."

- "Диана!" - возмутилась Катерина : "Ты каждого найдёшь как уколоть!"

- "Ничего!" - засмеялась Валерия : "Я худая, но здоровая. А с тобой, Диана, мы поладим, ты такая же, как я."

Валерия вошла в дом, хотела обнять Оксану, но дочка убежала от неё.

Валерия расстроилась: самый дорогой человечек не хотел признавать её.

Катерина успокаивающе проговорила : " Не торопи её, Лера, ей нужно время - привыкнуть к тебе."

Всю ночь Катерина и Валерия не спали, им надо было очень о многом сказать друг другу. Уснули они под утро.

Проснувшись, Валерия увидела у себя в ногах Оксанку. Девочка с любопытством смотрела на неё.

Валерия ласково произнесла : "С добрым утром, доченька! Я так по тебе

соскучилась, а ты от меня убегаешь, будто я пугало какое-то."

Ксюшка растерянно спросила : "Так ты - моя мама? А как же моя другая мама? Я совсем запуталась.

Раньше я думала, что дядя Коля - мой папа.

Только недавно я узнала, что он - папа Дианки и Антошки, а не мой. Мама, а где наш папа?"

- "Ксюша, у нас нет папы."

- "Как же так? У других есть, а у нас нет?"

- "Ну, он был, но уехал, далеко-далеко."

- "Уехал? Тогда мы и без него проживём.

Папы нет, зато две мамы. Как мне кого из Вас звать, не знаю..."

- "Ксюша, та мама старшая и главная, зови её старшей мамой, а меня - младшей, вот и всё!"

Катерина лежала в постели.

В первый раз за долгое время она могла полностью расслабиться.

Вчера дочь сказала, что на работу она её больше не пустит, а на её место пойдёт работать сама.

Катерина убедилась, что Валерия любит свою дочку и никогда её не оставит.

У Дианы и Антона хороший отец. В случае какой неудачи он всегда поможет своим детям и никогда не бросит их на произвол судьбы.

Катерина улыбнулась. Всё-таки она - счастливая женщина.

Королева Марго

Жил на нашей улице мужик. Звали его Игорем, но он заставлял всех называть себя Баяном. Так прозвали его во время отсидки в тюрьме, за хорошую игру на баяне и гармошке.

Баян был грозой для всей улицы. Если он, выворачивая из - за угла, пел : "Купите бублики!", то вся улица сразу пустела, люди торопились домой, за заборы, и из глубин дворов наблюдали за пьяным Баяном.

Придя домой, он обычно устраивал "выволочку" своим женщинам : матери, жене, дочурке, если они не успевали куда - либо спрятаться. Он считал женщин низшими существами и ни во что их не ставил. Баян привык, что все его боятся и чувствовал себя хозяином улицы.

Однажды умер сосед, живший напротив Баяна, а жена умершего продала дом другим людям. Возвращается домой Баян, горланит : "Купите бублики!", и вдруг видит : какая - то женщина совсем страх потеряла; стоит она прямо посреди дороги, листья, опавшие с деревьев, сгребает и жжёт их на костре.

Подходит к ней Баян и устрашающе орёт : "Понаехали сюда всякие-разные...шалавы! Ты что, овца стриженная, не секёшь, кто тут - перед тобой?"

А женщина, вместо того, чтобы убежать, руки в бока и буром - на Баяна!

- "И кто - тут? Облезлый баран, нет, козёл. Ну - ка, пошёл отсюда!".

Баян аж задохнулся от такой наглости, глаза его налились кровью; он медленно двинулся к женщине, потрясая кулаками. Она не тронулась с места.

Он удивлённо заглянул в её глаза - и будто кто оттолкнул его. В её прекрасных голубых глазах не было ни тени страха, только ледяной холод и презрение.

Её глаза словно предупреждали : "Не подходи, а то крепко пожалеешь!"

Баян грозно пообещал : "Ну, мы ещё встретимся." Она натянуто засмеялась : "Конечно, встретимся. Мы ж соседи." И нагло повернулась спиной к нему.

Утром трезвый Баян стоял у своей калитки и ждал, когда появится новая соседка. Она вышла, ведя за руку девочку лет пяти. Баян залюбовался женщиной : копна коротких, выющихся ржанных волос, милое, открытое лицо, прекрасная фигурка. Миниатюрная, очень красивая женщина. Баян против неё был громилой.

Но терять свой "авторитет" Баян не собирался. Он подошёл к соседке и грозно произнёс : "Как могла ты, соплячка, так со мной разговаривать? Ты совсем страх потеряла? Давно по соседям не ночевала? Я бы мог по пьяни убить тебя."

Она парировала : "Как Вы со мной, так и я с Вами. Я спуску никому не даю и дочку тому же учу. А смерть...она всё равно когда -нибудь придёт, так и не стоит её бояться." Соседка взглянула ему в глаза - и опять тот же холод и то же бесстрашие словно толкнули его.

Баян неожиданно для себя промямлил : "Ну, ты того... прости меня. Я уважаю таких бесстрашных. Ты хоть скажи, как тебя звать?" Она улыбнулась : "Ладно, забудем. А зовут меня Маргаритой."

Баян растерянно смотрел ей вслед. В первый раз он попросил прощения у женщины; но эта женщина того стоила. Настоящая королева. Королева Марго.